

18+

АНДРЕЙ
СУХОНОГИН

5600к

Batt 15.

1920x10

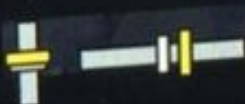
XAVC

S-Lo

танцы на раскаленной крыше

53:12

1 Ch1
2 Ch2

A 121 min

ПЬЕСЫ

ТАНЦЫ НА РАСКАЛЕННОЙ КРЫШЕ

Андрей Сухоногин

Танцы на раскаленной крыше

«Издательские решения»

Сухоногин А.

Танцы на раскаленной крыше / А. Сухоногин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-673044-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Люди любят казаться добрыми. Это вызывает уважение к себе. Но на самом деле им ни добра, ни любви не нужно. Они лицемерны по своей природе. Они обожают ссорить, стравливать, интриговать, науськивать друг на друга, устраивать кровавые разборки, жульничать, врать. И совсем забывают, для чего живут. Даже не догадываются, что пришли на эту землю с одной целью — обрести счастье.» Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-673044-1

© Сухоногин А.
© Издательские решения

Содержание

МАТЬ	6
ДОРОГА В АД	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Танцы на раскаленной крыше

Андрей Сухоногин

© Андрей Сухоногин, 2025

ISBN 978-5-0067-3044-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Каждая пьеса рождается из одного простого вопроса – зачем всё это? Зачем жизнь, любовь, вера, прощение? Ответа нет. Но пока звучит этот вопрос – ты жив.

Я пишу о тех, кто ошибался, но не перестал искать. О людях, который не умеют быть счастливыми, но отчаянно хотят. О памяти, которая возвращается тогда, когда уже поздно. О женщине, чья любовь сильнее вины. О мужчине, который забывает. О том, как любовь превращается в привычку, а привычка – в одиночество.

Мои герои смешны и страшны, наивны и жестоки. Они пьют, спорят, врут, боятся, обнимают, спорят с телевизором, и всё же продолжают ждать – что кто-то когда-нибудь услышит их.

Театр для меня – не место действия. Это способ жить. Здесь можно умирать каждый вечер и всё равно возвращаться к началу. Смеяться над смертью и плакать от любви. И прощать – пусть даже слишком поздно.

Эти пьесы – о жизни, которая не сдаётся. О старости, которая не теряет чувства юмора. О любви, которая не умирает, даже когда всё кончилось.

МАТЬ Фантазия

*Никакой истины не существует,
есть только попытки до нее добраться.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мать Иисуса, 62 года

Сара, 15 лет

Марк, 25 лет

Мать Иисуса, 48 лет

Мария Магдалина, 20 лет

Иисус, 33 года

12 апостолов: Петр, Андрей, Иаков Зеведеев, Иоанн Зеведеев (Богослов), Филипп, Варфоломей, Фома, Матфей, Иаков Алфеев, Иуда Фаддей, Симон, Иуда из Кариота

Учитель, 60 лет

Иисус, 10 лет

Трое одноклассников Иисуса, разного возраста

кот по кличке Ирод

Сцена 1

14 нисана (3 апреля) 48 года от Р.Х.

Дом Марии, матери Иисуса, в Эфесе. Чисто выбеленная комната. Обстановка скромная: стол, на нем лепешка, сушеный виноград, фиги, один кувшин с вином, другой с молоком, два стакана и доска с расставленными шашками. Два некрашеных табурета. Печь, на которой сковорода и кастрюля с горячей водой. Рядом с печью несколько колотых дров и два больших чана. В одном стирают белье, в другом лежит уже постиранное. Грязное белье на полу. Возле стены сундук, на нем плетеная корзина. Мать сидит за столом, думает – она играет в шашки. Ей 62. Седые волосы растрепаны. Одета в белое длинное холицовое платье. По комнате гуляет легкий ветерок и играет с занавесками, висящим на открытых створках окна. Доносятся голоса детей, играющих в мяч: теперь, я, теперь, я... отстань... брось мне мяч... нет, мне... я тоже хочу... сначала я поиграю... я тоже хочу играть... сначала я... дай мне... на, играй сам, а я – все, больше не хочу... тогда пойдем купаться?

Голос Иисуса звучит очень мягко. Ну, сколько можно ждать?

Мать. Ты опять меня торопишь. Не спеши!

Мария смотрит на доску.

Голос Иисуса. Ты думаешь уже полчаса.

Мать. Ты поставил меня в затруднительное положение.

Голос Иисуса. От того, что так долго думаешь, положение лучше не станет.

Мать. Но я все равно думаю.

Голос Иисуса. Но ты ведь уже проиграла. Сдавайся!

Мать. Нет. Пока я не пошла пешкой, я не проиграла.

Голос Иисуса. Мама, ты должна сделать свой ход и других вариантов у тебя нет.
Мать. Я знаю.

Мария взяла шашку в руку.

Ну, поддался бы.

Голос Иисуса. С чего? Ты же не ребёнок!

Мать. Ну, правильно, я не ребёнок, я мать! И очень хочу выиграть! Мать всегда хочет выиграть!

Мария поставила шашку на место.

Голос Иисуса. Мама, ты уже выиграла!

Мать. А партию проиграла! Так, все!

Мать одним движением руки убрала шашки с доски и начала их складывать. Одна шашка упала на пол.

Голос Иисуса. Больше играть не будем?

Мать. Не хочу!

Голос Иисуса. Больше никогда?

Мать. Никогда – слишком долго.

Мария подняла с пола упавшую шашку.

Мать. Не отвлекай, у меня куча дел на сегодня.

Мария положила шашку на стол, встала, с печи взяла кастрюлю и вылила горячую воду в чан. Положила туда рубашку, намылила её чёрным мылом и стала оттирать кровь. Потрёт, поднимет рубашку, посмотрит и опять начинает тереть. Кровь не хочет сходить.

В дом вбежала Сара, внучка Марии. В руке у нее йо-йо, она играет с ним. Подошла к столу, отломил кусок от лепешки, жуёт.

Мать. Сара, ну, опять ты кусовничаешь! Потерпи, скоро кушать будем.

Сара. Ба, да, я есть не хочу. Кстати, Ирода не видела? Со вчерашнего вечера куда-то пропал. Не могу найти.

Мать. Есть захочет, прибежит. Ты сядь, посиди немного, отдохни.

Сара. Ба, да я не устала.

Мать. С тех пор, как ты приехала, все бегаешь, бегаешь целый день, как угорелая, я тебя и не вижу.

Сара. У тебя здесь только всего интересного.

Мать. Новое поначалу всегда кажется интересным. А потом привыкаешь... Ты с мальчиком познакомилась?

Сара. Ба! Ну, почему сразу с мальчиком?

Мать. Ну, познакомилась и познакомилась, не целый же день одной дома сидеть.

Сара. Ты, правда, не будешь ругаться?

Мать. Зачем? Как я могу на тебя за это ругаться? Дело-то молодое.

Сара. Его Мироном зовут.

Мать. Сын Лидии?

Сара. Да. Он забавный. И такой же кошатник, как и я. Сегодня договорились: вечером после заката рыбу пойдём ловить. Ты меняпустишь?

Мать. Подумать надо!

Сара. Ну, ба! Я уже дала свое согласие.

Мать. Какая ты приткая! А у меня ты разрешения спросила?

Сара. Вот сейчас и спрашиваю.

Мать. Ты не спрашиваешь, а ставишь перед фактом.

Сара. Прости, ба, так получилось: не успела тебе раньше сказать.

Мать. Ну, я не знаю...

Сара. Мы там будем не одни, а вместе с отцом Мирона.

Мать. С Никосом? Ну, если только...

Сара. Да, с дядей Никосом. Значит, можно?

Мать. Что с тобой поделаешь? Ты из меня прям веревки выёшь!

Сара. Значит, ты разрешаешь?

Мать. Разрешаю. Только сильно поздно не возвращайся.

Сара. Обещаю. Как же я тебя люблю!

Сара подбежала к Марии, обняла и поцеловала ее.

Мать. Ну, всё-всё, не нужны эти кошачьи нежности! Лучше помоги мне: повесь белье сушится.

Сара. Хорошо, ба.

Сара взяла корзину, стоящую возле стены, переложила в нее чистое белье и заметила, что Мария шоркает рубаику.

Сара. Ба, ты опять стираешь эту рубаху? Все ещё надеешься вывести старую кровь?

Мать. Я не могу её выбросить, это память о сыне! Вот смотри, вроде бы отстирала, да? Пятен нет?

Сара. Да вроде, не вижу.

Мать. И я не вижу. Но стоит рубахе высохнуть, и они появятся снова. Что делать, ума не приложу!

Сара. Ладно, ба, я пойду, повешу белье.

Сара с корзиной пошла и в дверях столкнулась с Марком. На нем светло-голубой костюм, белоснежная рубаишка, галстук, солнцезащитные очки и шляпа. В руках кожаная сумка.

Сара. Извините. Вы к кому?

Марк. Я ищу Марию, мать Иисуса. Мне сказали, что она здесь живёт.

Сара. Ба, тут к тебе пришли.

Сара вышла. Вытирая руки о подол платья, Мария подошла к Марку.

Марк. Добрый день! Меня зовут Марк. Я журналист из Рима.

Мать. Жур... что? Чем ты занимаешься?

Марк. Да, я пишу книгу о жизни вашего сына.

Мать. Ой, приходи в другой раз, мне некогда. Завтра праздник: нужно в доме прибраться.

Мария продолжила стирать рубаху. Марк снял очки.

Марк. Мария, прошу вас, я не займу много времени. Мне нужно только кое-что уточнить.

Мать, шоркая рубаху, недовольно. Если бы при жизни его так интересовались. Где вы были, когда нужна была ваша помощь? Где вы были пятнадцать лет назад? Почему тогда молчали?

Марк. Простите...

Мать. Повылезали, как клопы, житья от вас нет. Каждый день, каждый божий день, кто-нибудь да придёт и начнёт канючить: расскажите, да, расскажите, расскажите, да, расскажите.

Марк. Неужели вы не хотите рассказать людям правду?

Мать. А зачем? Да, и кому она нужна? Вера не требует правды. Ты веришь вопреки всему. И, вообще, настоящая вера обходится без слов. Она молчалива.

Марк. Верить трудно, когда не пощупаешь. Даже сам Иисус показывал чудеса, чтобы ему поверили. Людям нужна правда, поймите!

Мать. Заладил, как дятел: правда, правда. Ну, какая еще правда? В чем?

Марк. Одни считают вашего сына галлилейским рабби с посохом в руке, проповедником и фокусником. Другие называют его революционером, зелотом или есеем. А третьи, вообще, сыном Божиим. Я сам запутался. Кем же он был на самом деле?

Мать. Человеком он был, в первую очередь. Моим сыном. И только потом Избранным. Я, надеюсь, ты про зачатие интересоваться не будешь? А то я тех, кто про это спрашивает, сразу отправляю куда подальше.

Марк. Я и не собирался...

Мать. Ну, хоть на этом спасибо!

Мария пристально посмотрела на парня.

А теперь мне скажи честно, истинную причину: сам-то ты чего хочешь?

Марк. Я? Чтобы Он меня простил.

Мать. Что ты натворил?

Марк. Отец забил мою мать. До смерти. Он думал, что она ему изменяет. Но его не осудили. И тогда я убил своего отца.

Мария присела на табурет, опустила голову и молчит.

Мать. В общем, так скажу: я не знаю, что ты там напишешь – какую правду, не знаю, может, соврешь?

Марк. Я напишу только то, что вы мне расскажите. Клянусь!

Мать. Клянётся он! Да, не хочу я ворошить прошлое, как ты не поймёшь!

Марк. Я прошу вас! Это очень важно! Для меня!

Марк умоляюще посмотрел. Пауза. Мария бросила рубаху в таз так, что брызги разлетелись в разные стороны.

Мать. Что же с тобой делать-то. Да, и времени у меня совсем не осталось.

Марк. Уделите мне хотя бы полчаса, прошу вас! Только полчаса! Пожалуйста!

Мать. А ты, я погляжу, шустрый! Тебе точно хватит полчаса?

Марк перекрестился.

Марк. Вот вам крест.

Мать. Ты крещеный или прикидываешься?

Марк растянул рубашку и показал нательный крест.

Мать. Ну, хорошо. Только обещай, что покажешь мне, что там написал.

Марк. Обещаю! Конечно, обещаю! Я вам обязательно покажу.

Мария, вытирая руки о подол платья, подошла к столу.

Мать. Ты, давай, проходи, садись! Что стоять-то? Устал, наверно.

Марк прошел и сел. С улицы в комнату зашла Сара, поставила корзину возле стены.

Сара. Ба, я белье развесила. Что-нибудь ещё помочь?

Сара подошла к столу, отломил кусок лепешки, пьет молоко из кувшина и с интересом разглядывает гостя.

Мать. Благослови тебя Господь, родная моя! Иди, погуляй, а мне тут надо поговорить.

Сара, недовольно. Хорошо, ба.

Сара вышла.

Марк. Это ваша внучка?

Мария смахнула крошки со стола: она не хочет говорить на эту тему.

Мать. Мать уехала, а она у меня пока живет, помогает по хозяйству. Ну, спрашивай, что хотел!

Марк достал из сумки диктофон, включил его и положил на стол. Мария скользнула взглядом по диктофону и потянулась к нему рукой.

Мать. Можно?

Марк. Да, конечно.

Мария осторожно взяла диктофон, покрутила его, постучала по нему пальцем и так же осторожно положила обратно.

Мать. Что это за штукавина?

Марк. Это диктофон. Он запишет ваш голос.

Марк. Чего только не придумают в вашем Риме!

Марк. Расскажите, пожалуйста, о вашей последней встрече с сыном. О чем вы говорили?

Мария вздохнула.

Мать. О чем? Готовились мы тогда к празднику, к Пасхе...

Сцена 2

Гаснет свет, включается проектор и на выделенной стене дома Мариш появляется черно-белое видео, снятое в стилистике немого кино.

14 нисана (3 апреля) 33 года от Р.Х.

Дом Мариш, матери Иисуса, в Вифлееме. Две женщины возле печи готовят ужин. Одна из них мать Иисуса, ей 48 лет. Другая – Мария из Магдалы, подруга Иисуса. Ей 20. Они готовят рыбу. Уже очистили от чешуи, убрали внутренности, жабры, которые лежат тут же. Еще столе: сковорода, лепешки, кувшин с вином и два стакана.

Мать. Когда выбираешь тилапию, чешуя должна быть прочно прикреплена, плавники не тронуты, а хвост не должен быть сухим.

Мария. Я запомню, спасибо.

Мать. А теперь, и это очень важно! Ножом с обеих сторон делаем надрезы. Этому я научилась, когда мы были в Египте. Такие надрезы значительно улучшают вкус, да, и красиво просто.

Мария. Так, надрезы сделала.

Мать. Аккуратнее, не спеши. Теперь возьми лимон и натри рыбу внутри и снаружи, а я немного выпью.

Мать наполнила стакан вином и прошла к авансцене. Мария разрежала лимон и старательно натирает им рыбу.

Мать. Как быстро растут дети. Не успеешь оглянуться – и, на тебе: перед тобой уже стоит здоровенный лоб и учит, как жить.

Мария. Он умный. И красивый, как нарцисс саронский, как лилия долин.

Мать. Да, есть в кого. Вы когда собираетесь пожениться?

Мария. Не знаю. Он молчит.

Мать. А ты не молчи. Требуй у него ответа, а то так до старости в девках и проходишь.

Мария. Готово, тетя Мария.

Мать. Ах ты, моя умница!

Мария. А если свежего имбиря положить в живот, как вы думаете?

Мать. Я думаю, что имбирь прибавит остроты. И вкус от этого станет, несомненно, богаче. А ты молодец, сечешь! Но у меня, к сожалению, нет имбиря. Пока я солю, добавь немного оливкового масла в сковороду.

Мария. А где?

Мать. Вон бутылка стоит.

Мария взяла кувшин с маслом и льет его в сковороду, которая стоит тут же на столе.

Мать. Ты куда столько льешь? Я же сказала – немного.

Мария. Извините, так получилось!

Мария поставила кувшин с маслом на стол.

Мать. Ну, ладно, пусть будет столько. Теперь обваляю рыбу в муке... Вот так. И положу ее на сковороду.

Мать осторожно положила рыбу на сковороду, и сковороду поставила на печь.

Мать. И вкус этой рыбки будет тебе еще долго сниться.

В дом вошел Иисус.

Иисус. М-м-м, чувствую: сегодня будет что-то невообразимо вкусное!

Мать. Твоя любимая рыба. Подожди немного, скоро будет готова.

Иисус. Mam, прости, но я не смогу: у меня встреча с учениками.

Мать. Ну вот, здравствуйте, а мы с Марией так старались. Может, подождешь немного и попробуешь? Посидим, поболтаем. Никуда твои ученики не денутся.

Иисус, жестко. Нет. Я дал слово и не могу опаздывать. (*мягче*) Расскажешь потом, как получилось.

Мать. Ну, потом, так потом.

Иисус. Не обижайся. Покушаете, выпьете вина, потрещите о своём. Мне, правда, очень нужно.

Мать. Ну, ладно. Но чтоб дома был не позже десяти.

Иисус. Я уже взрослый мужчина, и сам решаю, когда мне приходить.

Мать. Взрослые не живут с мамами. Вот когда у тебя будет жена, которой я смогу тебя доверить, тогда и поступай, как знаешь. А пока не позже десяти. И не заставляй мать волноваться.

Иисус. Не обещаю... как получится. И перестань уже за меня волноваться.

Мать. А я не могу не волноваться. Вот если бы ты взял с собой Марию, тогда бы я была спокойна. Тогда возвращайся хоть в одиннадцать. Но лучше, конечно, в десять тридцать.

Иисус. Мама!

Мать. Что мама? Я уже тридцать три года с лишним мама.

Иисус. Я не могу Марию с собой взять. Мы идём в Иерусалим.

Мать. В Иерусалим?

Иисус. Да. Там у нас будет... работа.

Мать. Работа... Ну что ж, хорошо. Раз работа, то это замечательно, правда?

Иисус молчит и смотрит на мать.

Мать. Дорогой мой, скажи, у тебя все в порядке?

Иисус. Не волнуйся, у меня всё в порядке. Мама, а не выйти ли тебе снова замуж?

Мать. Чтобы я на тебя меньше внимания обращала? Неплохая идея. Если меня и попросят, я могу подумать об этом, но пока мне хватает забот о тебе.

Иисус. Ну, как знаешь. Я пойду!

Иисус пошел к двери.

Мать. Позволь, дорогой, тогда и мне спросить: когда же, наконец, будет твоя свадьба? Сколько ещё ты собираешься Машке голову дурить?

Мария. Тетя Мария!

Иисус. Всему свое время. Ведь знаешь: время разбрасывать камни, время – собирать.

Мать. Ты мне тут не умничай! Перед своими учениками будешь умничать, а мне тут не надо. Сколько вы уже знакомы? Целый год! Мне уже перед девочкой стыдно.

Мария. Тетя Мария!

Мать. Перед соседями стыдно.

Иисус. При чем тут соседи-то? Важно не то, что все видят, и не то, о чем все судят, важно то, что находится внутри нас.

Мать. Ты прав. Ты, как всегда, прав. Но в конце концов, я хочу внуков понянчить.

Иисус. Если у меня и будут дети, они не получают той любви, какой заслуживают. Ты же знаешь: у меня другое предназначение.

Мать. Я знаю, я все это знаю, мой родной. В этом твой долг, но... Может быть, выпьешь? Тебе налить вина?

Иисус. Нет, мама, спасибо.

Мать. Да, сядь ты! Что ты стоишь, как чужой! Успеешь еще!

Иисус сел. Мать отпила глоток вина из стакана. Пауза.

Мать. Я всегда жила для тебя и делала все, что ты хочешь. Но у меня, как у матери, тоже ведь есть желания, и одно из них: я хочу, чтобы род твой продолжился.

Иисус встал.

Иисус, жестко. Мама... ну когда же ты поймешь: отцовство – удел лишь Отца нашего Небесного? Я ведь уже довольно говорил тебе об этом.

Мать. Мне не нравится, как ты разговариваешь со своей матерью! Я хочу, чтобы ты относился ко мне с уважением!

Иисус подошёл и поцеловал мать.

Иисус. Прости, мама!

Мать. Обещай мне, что ты подумаешь о женитьбе!

Иисус вздыхает. Хорошо, мама, мы с Марией обязательно поговорим на эту тему.

Мать. Ну вот, и хорошо. Обними мать и иди. И шапку на голову надень, по вечерам ещё холодно.

Иисус. Хорошо, мама.

Иисус обнял мать.

Мать. И не приходи поздно! Убью!

Иисус. Мама!

И пошёл. Перед входной дверью остановился и оглянулся.

Иисус. Мама... Мария... простите меня!

И вышел.

Сцена 3

14 нисана (3 апреля) 48 года от Р.Х.

Дом Марии, матери Иисуса, в Эфесе.

Мать. День тогда был такой же, как сегодня. Только много лет назад. Но я всё также вижу Сына перед собой, вижу и чувствую его запах, как будто он только что был здесь и вышел.

И в воздухе ещё остались очертания его тела. Вот так, кажется, протяну руку и смогу коснуться его, и он оглянется, и улыбнётся мне.

Мать протягивает руку и держит её так несколько секунд.

Мать. Тогда я подошла к окну и смотрела, как он уходит, думала, что он обернется и помашет мне рукой, но он не оглянулся, наверно, был в своих мыслях. Он шёл легко и быстро, так легко, так быстро, что совсем скоро пропал из виду. Он ушёл и мне показалось, что больше я его не увижу никогда. Никогда. Ко мне подошла Маша и обняла меня. И я спросила ее: почему он так сказал: простите меня?

Марк. И что ответила Мария?

Сцена 4

Гаснет свет, включается проектор и на выбеленной стене дома Мариш появляется черно-белое видео, снятое в стилистике немого кино.

14 нисана (3 апреля) 33 года от Р.Х.

Дом Мариш, матери Иисуса, в Вифлееме.

Мать. Что значит: простите? Что это значит? Ты понимаешь, о чем он?

Мария пожимает плечами.

Мать. Вот уже три с лишним года, с тех пор как он стал называть себя Христом, совсем перестал слушать мать. Делает, что хочет. Совсем от рук отбился. Куда уходит, где его носит, с кем?

Мария. Он учитель. Мессия. Он проповедует свое учение людям.

Мать. Да, понимаю я. Но сердце моё чувствует, что добром все это не кончится.

Мария. Неприятности будут всегда. Нам надо держаться вместе и помогать ему... продолжать его дело.

Мать Иисуса с печалью в глазах кивнула.

Мария. Не переживайте. Народ его любит и не даст в обиду. К тому же он окружен учениками. А их у него целых двенадцать.

Мать. Да, он и сам может за себя постоять. Барашка одной рукой поднимает! Вот такой он сильный! Помню, ему было лет семнадцать, мы возвращались из Иерусалима домой. И по дороге на нас напали какие-то бандиты. А у нас, кроме осла, ничего-то и не было. Иисус, а он уже тогда был рослым парнем, и рука у него была, ну, как твои три ладошки, отодвинул старого Иосифа в сторону и спокойно сказал, чтобы они шли своей дорогой. Вот так и сказал: Идите с миром, ибо Господь грядёт! И так посмотрел на них, что они только матюкнулись, и отпустили нас.

Мария. Это было что-то вроде чуда.

Мать. Да, мы и сами были удивлены. Даже осла не забрали. А ты что совсем не пьёшь? Не любишь?

Мария. Совсем не люблю.

Мать. Ну, и правильно. Значит, придётся мне одной. Ох, напьюсь я пьяной, песни петъ начну, не остановишь. Маша, посмотри, рыбу, не подгорела? Надо будет перевернуть ее на другую сторону.

Мать налила себе еще вина и выпила. Мария переворачивает рыбу.

Сцена 5

14 нисана (3 апреля) 48 года от Р.Х.

Дом Марии в Эфесе.

Марк. Мария... она так и не стала женой вашего сына?

Мать. К сожалению, да.

Марк. Почему, к сожалению? Вы ей симпатизировали? Но, она ведь... как это помягче сказать, она была...

Мать. Вы хотите сказать – блудница?

Марк. Да, так говорят.

Мать. В Риме, говорят, кур доят. Доить пошли, да сисек не нашли. Не следует верить всему, что говорят. Оболгали девочку. Да, признаться, я и сама сначала поверила слухам. Даже пыталась отговорить сына от этой, как тогда казалось, порочной связи.

Сцена 6

Гаснет свет, включается проектор и на выделенной стене дома Марии появляется черно-белое видео, снятое в стилистике немого кино.

32 год от Р. Х. Дом Марии в Вифлееме.

Мать. Сынок, эта женщина не может нравиться уже только потому, чем занимается. Это же стыд Божий!

Иисус. А чем же таким страшным она занимается?

Мать. Ну, ты сам знаешь! Короче говоря, я не в восторге от того, что ты общаешься с этой продажной девкой!

Иисус. Мама, кто тебе сказал, что Мария проститутка?

Мать. Люди говорят.

Иисус. Люди ещё и не то могут наговорить.

Мать. Дыма без огня не бывает.

Иисус. Мама, я не собираюсь тебя переубеждать. Хочешь так думать, думай. Но я еще раз повторю: мне нравится эта девушка. И она будет со мной.

Мать. Сынок, я прошу тебя, оставь её! Неужели нет других, более достойных тебя?

Иисус. Мне абсолютно не важно, кто она, да будь хоть проститутка. И знаешь почему?

Мать. Почему?

Иисус. Потому что те, кто совершили грех, заслуживают большего внимания, чем святые.

Мать. Я тебя не понимаю!

Иисус. Нужно научиться прощать преступников. Они такие же люди, как и мы, только судьба у них тяжелее. И я не вижу большого греха, если мне нравится грешница.

Мать. Кому нравятся грешники, тому нравится и грех.

Иисус. Мама! Это тоже самое, что сказать: кто заботится о больных, тот заботится о болезнях. И ещё. Мне Мария не просто нравится, а я ее люблю! И прошу тебя принять это. Пообщайся с ней поближе, и ты поймешь, какой это замечательный человек!

Иисус идет к дверям.

Мать. Я не хочу с ней общаться!

Иисус зовет Марию.

Иисус. Мария, входи!

Входит Мария, она волнуется: ведь это первая встреча с мамой Иисуса.

Мария. Здравствуйте!

Мать. Ну, здравствуй, девонька! Проходи!

Мария оглядывает комнату и нерешительно проходит.

Мать Иисусу, громким шепотом. Не понимаю, что ты в ней нашёл?

Иисус. Мама!

Мать. Она же худая, как селедка.

Мария. А я слышу, о чем вы говорите.

Мать. Значит, у тебя хороший слух. Это радует.

Мария. А вы точно не страшная!

Мать. Это сын тебе сказал?

Иисус. Да, я сказал, что ты лучшая мама на свете и, что добрее тебя никого нет.

Мать. О, как стелет! Как стелет, ты посмотри! Значит, не боишься меня?

Мария. Нет.

Мать. Точно? А вдруг покусая?

Мария. А у меня тоже зубы есть.

Мать. Ты погляди какая! Ну, хорошо. Раз зубы есть, тогда садись за стол.

Все садятся за стол.

Мать. Только угостить-то мне вас нечем. (*обращаясь к сыну*) Предупредил бы, что приведешь девушку. Я бы хоть на стол накрыла. А так у меня только сушеный виноград да фиги. Хлеб еще не успела запечь.

Иисус. Мама, не беспокойся, мы не хотим кушать.

Мария. А мне бы водички: что-то жарко. Можно?

Мать. Ну, конечно! Чего-чего, а этого добра у нас полно!

Мать налила в стакан воду из кувшина. Мария пьет. Мать смотрит на девушку. Иисус ест сушеный виноград. Пауза.

Мать. Когда свадьба, молодые?

Мария поперхнулась.

Иисус. Мама!

Мать. Мужчина не может быть одиноким: Тора требует. Тем более – ты рабби.

Иисус. О свадьбе мы еще не думали.

Мать. А когда начнете думать? Когда пузо полезет у всех на виду?

Иисус. Мама! Мария не беременна. И нам пока не до свадьбы, дел других хватает.

Мать. Вот пошла молодежь! Ну, хоть не беременна, и то слава Богу! А могу ли я узнать, как вы познакомились? Где?

Иисус. Мам, это похоже на допрос.

Мать. Какой допрос, что ты? Ты же знаешь мой грех – любопытная я очень. Особенно, когда дело касается моего сына.

Иисус. Мама!

Мария. А я расскажу. Мне не стыдно, правда. Я...я полюбила одного мужчину. Он был женат, у него было трое детей. И вот родные его жены схватили меня, привели на площадь, начали кричать: она нарушила закон! Ее нужно убить! Я тогда очень сильно испугалась. И тут появился Иисус. Он сказал: Кто из вас без греха – пусть первым бросит в нее камень. И все. Тишина. Толпа разошлась. А потом он подошел ко мне... и вдруг – встал на колени. Вы можете себе представить? Он – передо мной – на коленях. А я...я вся горела от страха и стыда. Упала прямо на землю и заплакала. А он – стал гладить меня по голове, тихо, ласково. И сказал: зла земле много. И лжи – много. Забудь, что ты грешница. Скажи: когда ты любишь – твое сердце живет? Живет, говорю. А когда не любишь? Мертво. Вот и все. Люби. Люби всем сердцем. И не считай себя грешной, даже если ошиблась. Просто – не грехи больше, потому что веришь, что ты достойна любви. Не грехи в другой раз, думая, что ты грешна. И с того дня... я больше не ушла от него.

Сцена 7

14 нисана (3 апреля) 48 года от Р.Х.

Дом Марии в Эфесе.

Марк. А, что было потом с Марией? Вы знаете, что с ней стало?

Мать. Он хотел, чтобы Мария стала... настоящим человеком. Полноценным. Совершенным – в духовном смысле. Ему было всё равно – женщина она или мужчина.

Марк. Но мужчины же всегда считали себя выше. Всегда.

Мать. Вот именно. Тогда – особенно. Женщину вообще за человека не считали. Мужчины молились каждое утро: «Спасибо тебе, Господи, что не сделал меня женщиной.» Представляешь? А ему это всё было отвратительно. Он хотел изменить саму суть. Чтобы не было «мужского» и «женского» – только душа. Равная, светлая. Он видел в Марии не женщину, а душу, которая понимает. Когда я об этом узнала... Я спросила: зачем тебе всё это? Ну зачем? Почему ты не можешь жить спокойно, как все?

Марк. И что он Вам ответил?

Мать. Он сказал: ты скоро сама все увидишь. Я спросила: что увижу? А он: что мир изменится. И улыбнулся. Он вообще так умел улыбаться! Как будто солнце выходит из-за туч. Как бы я хотела... все, все отдать, лишь бы еще разок увидеть, как он улыбается...

Марк, осторожно. Что стало с Марией?

Сцена 8

Гаснет свет, включается проектор и на выбеленной стене дома Марии появляется черно-белое видео, снятое в стилистике немого кино. Звучит голос матери. В кадре происходит то, о чем рассказывает мать. Иисус проповедует двенадцати апостолам. Здесь же находится и Мария.

Гора Блаженств в Галилее. 32 год от Р.Х.

Голос матери за кадром. Эта девочка стала лучшей ученицей Сына – самой близкой и преданной. Она любила усесться у него прямо у ног и слушать каждое слово. И была такая прилежная, такая умная, что Он ее очень хвалил. И даже поцеловал в губы. И тут началась шумиха – будто лиса в курятник залезла. Петр взорвался: почему ты любишь Марию больше, чем нас, тобой избранных? И Иисус ответил: вы духовно слепы, а Мария видит свет. Она самая просвещенная из вас. Петр так разозлился, что начал орать: я – первый! Я – камень! Разве

не ты мне об этом говорил? Ты ведь дал мне ключи от Царства Небесного. Мне! А она кто? Просто женщина! Даже не апостол! Ей нужно знать свое место и не лезть вперед. Тогда Фома вмешался: если Иисус счел ее достойной, то кто ты такой, чтобы ее отвергать? Он знает ее и потому любит больше нас.

СЦЕНА 9

14 нисана (3 апреля) 48 года от Р.Х.

Дом Марии в Эфесе.

Марк. Мария сумела добиться успеха, и вызвала зависть.

Мать. Пётр стал соперником девочки. Пытался ее подкалывать, унижать перед другими апостолами. Честно говоря, он часто неправильно понимал учение, и Иисус ему это прямо говорил. А Мария... она его поняла полностью – единственная из всех учеников. Настолько глубоко, что даже говорила о его смерти.

Марк. Когда это случилось?

Мать. Когда она совершила обряд помазания. Я видела, как ей было страшно. И все вокруг замерли от страха. Боялись даже дышать. И смотрели на Иисуса. А Он тогда сказал: Возлив миро на тело Мое, она приготовила Меня к погребению. И после этого Иисус дал ей откровение – напрямую, только ей. И даже после Воскресения она продолжала получать от него знаки.

Марк. Как?

Мать. Через видения.

Марк. Я понял! Вера Марии была основана не на запоминания догматов, как у Петра, а на отношениях с Иисусом.

Мать недовольно вздохнула.

Мать. Дурак ты!

Марк. Извините, не прав! А что было дальше, ну, после воскресения Иисуса?

Мать. Когда Сын воскрес, Мария первая его увидела. Он открылся ей, дал ей откровение. Она так обрадовалась, побежала к апостолам – хотела их обнять, ободрить, сказать: «Он жив! Всё не зря!» А они... не поверили. Пётр сразу: «Что за бред? Девчонке привиделось! С ума сошла от горя!» И никто даже не попытался услышать её. А потом, когда сами увидели Его – ни один не извинился. Ни один. Понимаешь, вот это презрение к женщинам, которое Сын столько раз пытался изменить, – оно так в них и осталось. Не смогли они переступить через себя.

Марк. Интересно... Вся эта история с Марией – она же как символ. Иисус простил её, и этим как будто очистил – не просто её, а каждого человека, каждого по отдельности. Ведь в Библии это же одна из главных тем, да? Спасение невесты. В пророке Иезекииле – помните? – Яхве выбирает Израиль, как невесту. А потом, когда она изменяет, всё равно прощает, зовёт обратно... Это всё об одном и том же – о прощении, о возвращении.

Мать раздраженно хлопнула себя руками по ногам и встала. Марк тоже встал.

Марк. Простите, я опять вас перебил.

Мария налила в стакан вина, сделала глоток и села.

Мать. Спрашивай.

Марк сел.

Марк. А что случилось с Марией после смерти Иисуса?

Мать. Что, что? Когда Мария узнала, что беременна и носит ребенка Иисуса...

Мать. У Иисуса остался ребенок?

Мать. Да, а что в этом удивительного? Мой Сын – мужчина!

Марк. Это Сара?

Мать. Сара. Так вот, когда Мария узнала, что беременна, она вынуждена была бежать.

Марк. Чтобы сохранить ребенка?

Мать. И свою жизнь тоже. Петр считал себя единственным преемником и Мария ему просто мешала.

Марк. И ее оболгали. Назвали проституткой. Теперь мне понятно. Я напишу об этом. Я обязательно напишу.

Мать. Только кто тебе поверит?

В дом зашла Сара, подошла к столу, отломил кусок лепешки.

Сара. Ба, Ирод не прибежал?

Мать. Сара, я тут, между прочим, разговариваю с человеком, а ты влезаешь, как базарная баба. Выйди и не мешай нам!

Сара. Хорошо. Я только зашла узнать про кота.

Мать. Не видела я кота. И хватит таскать куски! Что подумает уважаемый человек? Что мы тебя совсем не кормим?

Сара отломил еще кусочек от лепешки и вышла.

Мать. Извините! У девочки совсем нет воспитания! Но ничего, поживет у меня, и я научу её хорошим манерам!

Марк. А в детстве... Вы помните? В детстве – Иисус отличался от обычных детей? Каким он был?

Мать подошла к окну, смотрит, молчит. Говорит, не поворачиваясь.

Мать. Как не помнить? Помню. Я все хорошо помню. Он ещё сидеть-то нормально не умел, лежит у себя в кровати, глядит в потолок и вдруг, ни с того, ни с сего начинает улыбаться. Такой светлой, доверчивой, милой улыбкой. И агукает. **(развернулась к Марку)** Мы с Иосифом сразу поняли, что к нему приходит Отец его Небесный. Сколько раз было – он закапризничает, потом взгляд переведёт и тут же начнёт улыбаться, и агукать.

Марк. А потом, когда подросток, Отец Небесный к нему приходил?

Мать. Не замечала. Года в два-три любил играть брусочками, которые приносил Иосиф. Причем, мог часами строить из них башни. Любил бегать по лужам. Вообще, он был открытым ребёнком, любил посмеяться, и смех у него был такой заразительный, что и я сама начинала смеяться. В обиду он себя никогда не давал. Даже тому, кто был старше и сильнее его. Удивительно, но он совсем не производил впечатления Божьего сына.

Марк. А какие у него были предпочтения в еде?

Мать. Аппетит у него был всегда прекрасный, но больше всего любил рыбу. И никогда не стеснялся просить вторую порцию.

Марк. А в школе он учился как?

Мать. Мой мальчик был очень умным и его часто хвалили!

Сцена 10

Гаснет свет, включается проектор и на выбеленной стене дома Мариш появляется черно-белое видео, снятое в стилистике немого кино.

10 год от Р. Х. Иудея. Школа.

В класс с шумом вбежали ученики. Хаим поставил подножку Иисусу, тот упал. Тогда Хаим дал ему затрецину и засмеялся. Иисус бросился на Хаима, завязалась драка. В класс вошел учитель, в руках он держал свиток.

Учитель. Так-так, дети, успокоились! Успокоились, я вам сказал, успокоились и сели!

Дети не заметили учителя и продолжали драться. Учитель засвистел в свисток.

Учитель. Да, что же это такое! Иисус, отпусти Хаима! Сели на свои места!

Дети сели. Хаим продолжал «кипеть», а Иисус показывать ему кулак.

Учитель. Ученики, вы пришли в Дом учения, поэтому ведите себя подобающе! Какие три главных качества ученика? Скажи, Хаим.

Хаим. А что я? Как сразу, так Хаим. Почему не Иисус?

Учитель. Не беспокойся. Время Иисуса придет. Так какие три главных качества ученика?

Хаим. Желание учиться...

Учитель. Дальше.

Хаим. Послушание...

Учитель. Правильно. И...

Хаим. И стыд.

Учитель. Хорошо. Те, кто однажды испытал воздействие Премудрости, открывает для себя путь к успешной и безопасной жизни. А неприятие мудрости сулит в будущем беды и напасти, которые будут не столько наказанием Божиим, сколько следствием безрассудного действий самого человека. Вы поняли?

Все дети. Да, учитель.

Учитель. Не слышу! Громче!

Все дети. Да, учитель!

Учитель. Хотелось бы в это поверить. Но теперь вернёмся к уроку. Так, на прошлом занятии мы проходили цифры. Давайте повторим. Кто помнит, что означает «четыре»? Давайте послушаем, что ответит на этот вопрос мальчик, который любит всегда быть первым. Иисус, встань, когда будешь отвечать.

Иисус встал.

Иисус. Четыре, это – матери: Сара, Ревекка, Лия, Рахиль.

Учитель. Что означает «три»?

Иисус. Три, это – патриархи: Авраам, Исаак, Иаков.

Учитель. А что означает «два»?

Иисус. Два – каменные скрижали, на которых начертан Закон.

Учитель. Хорошо. Остается еще одна цифра – один?

Иисус. Один – Господь наш Бог, сотворивший небо и землю.

Учитель. Молодец! Хорошо запомнил урок. Садись!

Иисус сел и показал мальчику язык. Тот скорчил ему «рожу».

Учитель. Мальчики, если вы сейчас же не перестанете, то будете наказаны! Всё, успокоились! Итак, вы уже знаете четыре цифры. Буквы знаете уже все. Значит, теперь мы будем читать. Сегодня я вам принес один из священных псалмов благословенного царя Давида. Посмотрите его.

Учитель передал свиток детям, которые тут же стали его с любопытством осматривать и пытаться прочесть.

Учитель. У меня к вам просьба: обращайтесь с ним бережно!

Когда свиток попал в руки Иисусу, он сразу стал его читать.

Иисус. «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим».

Иисус передал свиток учителю

Учитель. Ну, что ж, молодец, садись. И, пожалуйста, веди себя скромнее на уроках. В противном случае придется вызвать твоих родителей.

Сцена 11

14 нисана (3 апреля) 48 года от Р.Х.

Дом Марии в Эфесе.

Марк. А когда Иисус подрос, чем он занимался?

Мать. Помогал своему отцу: у Иосифа была своя столярная мастерская. Его тогда прозвали Иисус-Наггар. Наггар означает «плотник». Он гордился этим прозвищем. Причем не брезговал никакой работой: надо распилить деревья, он будет их распиливать. Надо выравнять доски – пожалуйста. Иосиф учил его: никогда не насилуй дерево, обходись с ним мягко. Этот совет помог ему потом научиться ладить и с людьми.

Марк. А вы помните про чудеса, которые совершал Иисус?

Мать. Конечно, помню... Про эти чудеса говорил весь Израиль.

Марк. А что было за первое чудо?

Мать. Первое чудо это, когда он воду превратил в вино.

Марк. Расскажите об этом, пожалуйста.

Мать. Оно случилось в Кане, на его свадьбе. Я видела это собственными глазами.

Марк. На чье свадьбе?

Мать. На свадьбе моего сына, Иисуса.

Марк. Иисус был женат?

Мать. Ну, да, чему ты удивляешься? Ему тогда только исполнилось двадцать.

Марк. А кто была невестой?

Мать. Её звали Даия. Что означает «цветок». Красивая, умная девочка была, с добрым сердцем. Ровненькая такая, гладенькая. Пятнадцать ей было, как Саре сейчас.

Марк. А как они жили?

Мать. Как все. Раздоры были, в основном, между нами. Я ее постоянно гнобила: мой сын любит, чтобы это делалось так! Тебя мама не научила готовить, что ли! Я бы не сказала, что это хорошо выстирано! Ну, и в таком духе. В общем, вела себя, как настоящая свекровь. Свекровка – злая головка. Как она меня терпела, не понимаю, но тем не менее жили они хорошо.

Марк. А дети у них были?

Мать. Но с детьми им не повезло. Далия не была бесплодна, но получалось так, что она носила детей только для того, чтобы их терять. У нее было три беременности, и все три закончились выкидышами.

Марк. И что потом случилось?

Мать. Она умерла, во время родов, вместе с ребенком. Однажды я увидела сон, будто Далия стирала белье, и вдруг пропала. Белье осталось в тазу, а ее не было, словно испарилась куда-то. Вот только что видела ее, даже сказала, чтобы она поторопилась – Иисус должен был скоро прийти. Она даже ответила: ага, и исчезла. Я в ужасе проснулась. Мне было так страшно, так страшно, но тут я услышала голоса Далии и сына, и успокоилась. И только через год я поняла, что это был вещий сон. Когда Далия умерла – Иисус заплакал. Даже, когда отец умер, он не плакал, а здесь... не мог остановиться. Закрылся, все время проводил в мастерской, очень плохо ел и стал тощим, и большеглазым, и почти не разговаривал. А однажды он пришел ко мне...

Сцена 12

Гаснет свет, включается проектор и на выбеленной стене дома Мариш появляется черно-белое видео, снятое в стилистике немого кино.

30 год от Р. Х. Дом Мариш в Вифлееме.

Мария делает тесто для хлеба. Заходит Иисус.

Мать. Неужели ты уже сделал стол для Баруха?

Иисус. И скамью тоже.

Мать. Посиди, отдохни, скоро кушать будем. Сейчас только лепешку испеку, а пока, если хочешь, молока попей.

Иисус. Хорошо, мама, не торопись, я не голоден. Мне нужно с тобой поговорить.

Мать. Что-то серьезное?

Иисус. Все это время после смерти Далии я размышлял, что же такое любовь.

Мать. Эх, куда тебя занесло? Ну, давай, расскажи, что ты там надумал!

Иисус. Любовь родителей важна, конечно, она основа основ. Но именно любовь мужа к жене, и жены к мужу учит терпению, сочувствию, доверию, учит быть благодарным.

Мать. Правильно. Как у нас с Иосифом.

Иисус. Да, как у вас. Но, к сожалению, не каждый умеет любить. Не каждому это дано.

Мать. Не каждому. Но человек и рождается для того, чтобы понять, что же такое любовь.

Иисус. Да, мама, я с тобой согласен, но не каждому это удастся. Я понял: любви можно учиться – как я учился ремеслу плотника. Еще я понял, что с любовью нужно относиться ко всем людям – и к друзьям, и к врагам. Если ненавидеть тех, кто тебе не нравится, это будет только умножать ненависть.

Мать. И что ты предлагаешь?

Иисус. Если человек бьет тебя, не нужно ему отвечать. Нужно подставить ему другую щеку, и тогда, возможно, ему станет стыдно. Любовь рождает только любовь.

Мать. Ты предлагаешь любить своих врагов?

Иисус. Мы должны стремиться смягчить их силой своей любви.

Мать. Родной мой, какой ты еще наивный! То, что ты предлагаешь, это невозможно – людей нельзя изменить.

Иисус. Можно. Именно любовью можно изменить человека. В этом и есть самое главное!

Мать. Не понимаю... как ты будешь убеждать любить своих врагов?

Иисус. Своим примером. Тем, кто сделает мне зло, я отвечу только добром.

Мать. Допустим, тебе удастся. Но чтобы получилось у других, они должны быть слепыми и глухими.

Иисус. Да, будет нелегко, но люди должны учиться поступать именно так.

Мать. Ты неисправимый романтик.

Иисус. Мы должны научиться прощать. Любовь начинается с прощения.

Мать. Прощать? Значит, если вор украдет все, что у меня есть – я должна буду его простить? Если убийца перережет горло моему сыну – я тоже должна буду его простить?

Иисус. Да.

Мать. И сколько раз я должна прощать? Пока меня не убьют?

Иисус. Прощать нужно всегда.

Мать. Это невозможно! Природу людей не изменить!

Иисус. Любовь – единственное оружие против зла, и я должен убедить в этом людей. И должен начать это делать, как можно скорее.

Мать. Значит, ты уходишь?

Иисус. Я мечтаю, мама, чтобы меня поняли.

Мать. Как же они поймут, если я, твоя мать, тебя не понимаю.

Иисус. И не надо понимать. Надо только верить!

Мать. Верить? Так просто?

Иисус. Да. Как маленький ребёнок слепо верит своему отцу.

Мать. Ты не ответил мне? Ты все-таки уходишь?

Иисус. Это мой путь, мама. Я должен идти. Прости меня!

Иисус выходит.

Сцена 13

14 нисана (3 апреля) 48 года от Р.Х.

Дом Марии в Эфесе.

Мать. С тех пор он надолго пропал.

Марк. Вы говорили про чудо в Кане, где на свадьбе Иисус превратил воду в вино.

Мать. И что?

Марк. Люди говорят, что это было совсем не чудо, что вода не превратилась в вино, а так и осталась водой. И чтобы не позорить Иисуса, стали говорить, что чудо свершилось.

Мать. Ты слушай, слушай, больше слушай людей, они тебе еще и не такого расскажут! Люди любят болтать. А сам -то ты что думаешь?

Марк. Я? Я не знаю. Мне хочется верить, но... Это слишком красиво, чтобы быть правдой.

Мать еле сдерживает себя. Ты не веришь не потому, что не можешь, а потому что боишься. Вера требует храбрости. Я была там, в отличии от тебя, и видела, как гости пили это, красное, как кровь, вино. Пили и хвалили его, между прочим. А какие еще чудеса, которые совершил мой сыном, вызывают у тебя сомнения? Давай, говори, не стесняйся!

Марк. Простите! У меня нет больше сомнений!

Мать. Мальчик, как ты меня разочаровал! Ты меня так разочаровал! Я тут распинаюсь перед тобой, рассказываю, как на духу, что было на самом деле, а ты не веришь мне? Знаешь, давай-ка, поднимай свой зад и вали в свои родные пенаты, пока я тебя не облила кипятком!

Марк. Тетя Мария!

Мать. Какая я тебе тетя, дядя?!

Марк. Баба Маша!

Мать. Что ты мелешь, мальчишка?

Марк. Мария, простите, ради бога, я был не прав! Я потому к вам и пришел, чтобы развеять эти слухи. Слишком многие позволяют себе фантазировать о жизни вашего сына: не верят в непорочное зачатие, не верят, что его отцом был сам Господь Бог. Говорят даже, что никакого воскресения не было.

Мать. Не богохульствуй!

Марк. Я так не думаю и потому пришел к вам.

Мать. Вон!

Марк. Я больше ничего не буду говорить! И спорить с вами не буду! Только, пожалуйста, не выгоняйте меня!

Мать. Ты глухой?

Марк. Я прошу вас!

Мать. Пошел вон, я сказала! Вон пошел!!!

Марк выключил диктофон, положил его в сумку, встал и медленно вышел. Мария взяла с печи кастрюлю с горячей водой, вылила ее в таз и начала стирать.

Мать. Нет, ну что за люди пошли? Говорю же, что из воды сделал вино! Раз говорю: сделал – значит так оно и было. Из воды – вино! Красное, сухое. Хотя, я ведь сама-то и не пила того вина. Слышала только, как другие хвалили, когда пробовали. А сама-то даже и не пригубила. Да, и Сын тогда говорил, что не готов еще, это я его, дура, заставила сделать. Может быть, на самом деле у него не получилось, и гости приврали? Нет, ну что за люди пошли!

Сцена 14

В дом зашла Сара, одной рукой она держала кота за шкурку, в другой – мертвую курицу.

Сара. Нашелся, смотри! Придушил у тети Агаты курицу.

Мать. Недаром Иродом зовут. Поганец!

Сара. И что теперь делать?

Мать. Что делать, что делать? Наказать, сорванца!

Сара. Вот и накажи!

Мать. Сама накажи!

Сара. А ты почему не хочешь? Твой же кот!

Мать. А зачем мне портить с ним отношения?

Сара. Ба, ну, ты хитрая!

Мать. Ну, а как? Ты сегодня здесь, а завтра усвиштишь куда-нибудь? А мне с ним дальше жить.

Сара. И то верно.

Сара бросила кота на пол.

Тете Агате не будем говорить?

Мать. Как не будем? Будем! И курицу отдадим, и этого негодника в придачу. Пусть делает с ним, что хочет. Хоть на пирожки пустит, не жалко!

Сара. Ба, я надеюсь ты шутишь?

Мать. Шучу!

Сара. Ну, и шуточки у тебя сегодня!

Мать. Да, вывел меня этот мальчишка! Говорю ему, как было, а он: а вот люди говорят... Говорят: кур доят, а коровы яйца несут. Достал!

Сара. Так ты его выгнала?

Мать. Ну а куда его после этого? За стол что ли сажать?

Сара. Не хорошо это!

Мать. Сама знаю. Но слово не воробей, выпустишь – не поймашь.

Сара. Так может, я за ним сбегаю?

Мать. Я те сбегаю! Так сбегаю... Иди лучше к Агате, куру отнеси и скажи, что мы ей должны будем.

Сара. Хорошо, ба!

Сара пошла к двери, остановилась.

Сара. Ба, а может все же позову я его обратно? Вроде, хороший такой...

Мать. Понравился что ли?

Сара. Ба!

Мать. У меня такое ощущение, будто я знаю этого мальчика, хотя никогда не встречала прежде. Такое чувство, что он – свой. И мне всё в нем знакомо: как он говорит, как движется, даже его запах. Ты почувствовала, как он пахнет?

Сара. Нежно.

Мать. Да, нежно. Неуловимо. Чистотой. Так пахнул мой мальчик. Мой мальчик. Оказывается, я до сих пор помню его запах.

Сара. Так я его позову?

Мать. Да, позови. Он про сына обещал правду написать.

Сара. Я быстро, ба!

Мать. Куру сначала Агате верни!

Сара помахала головой в знак согласия и выбежала. Мария продолжила стирку.

Мать. Да, не хорошо получилось! Что люди потом будут говорить? Что мать самого Христа оказалась грубой и невоспитанной? Выгнала человека, который приехал к ней аж из самого Рима! Ой, не хорошо, не хорошо! Сын бы меня точно пропесочил!

В дом вошли Сара и Марк. На лице Сары – зеркальные очки Марка.

Сара. Ба, мы пришли.

Мать. Это что у тебя на лице?

Сара. Это называется очки. Мне их Марк подарил.

Мать. Сними и отдай! Что ты, как сорока, все блестящее на себя тянешь? Стыдно!

Сара. Ба!

Марк. Прошу вас, разрешите Саре принять их. Я от чистого сердца!

Мать, нерешительно. Ну, я не знаю...

Сара. Ба, мне они так идут! Ну, посмотри на меня!

Сара подошла ближе. Мария внимательно посмотрела на Сару.

Мать. Да, красивые. Тебе идут.

Сара. Можно мне их оставить? Я прошу тебя!

Мать. Ну, что с тобой делать? Оставляй!

Сара бросилась к Марии и поцеловала её.

Сара. Бабуля, спасибо!

Мать обращается к Марку. А с тобой что?

Марк. Что?

Мать. Что с тобой будем делать?

Марк. Извините меня! Я больше не буду вас перебивать!

Мать. Сын говорил, что нужно прощать, если человек покается. Вот я тебя и прощаю! Проходи, садись за стол!

Мария вытерла руки подолом платья. Марк подошел к столу и сел. Сара отломала кусок от лепешки и дала его Марку. Он взял, откусил.

Марк. Вкусно!

Сара. Молоко будете?

Марк. Можно.

Сара налила в стакан молоко и подала Марку.

Марк пьет. Вкусно!

Сара. Козье. Оно еще и полезное, лечебное. Вы случайно ничем не болеете?

Мать. Сара!

Сара. А что Сара? Я просто так спросила. Что, нельзя и спросить?

Марк. Тебе сейчас сколько лет?

Сара. Пятнадцать.

Марк. Девушка на выданье. Чем собираешься заниматься?

Сара. Пока не знаю.

Марк. Хочешь стать журналистом, как я?

Сара. Не знаю.

Марк. Интересная профессия! Она дает возможность ездить по разным странам. Ты сможешь увидеть весь мир.

Сара. А ты в Египте был? Пирамиды видел?

Марк. Был и в Египте, и пирамиды видел. И приехал к вам, чтобы написать книгу о твоём отце.

Мать в сторону. Ну, сейчас побежит собирать вещи.

Сара. А я смогу написать книгу?

Марк. Конечно. Только этому нужно учиться.

Сара. Это как раз понятно: всему нужно учиться. А где?

Марк. Я учился в Риме.

Сара. В Риме? Так далеко? Ба, отпустишь меня?

Мать. Эх, как ты завертелась! Только поманил, а ты уже готова и бежать?

Сара. Не говори так! Никуда я не собираюсь бежать. Марк просто сделал предложение об учебе. Ты сама подумай: я смогу писать книги об отце и так продолжать его дело. Это же здорово!

Мать. Давай так, внушка: не торопись, подумай, ну и я тоже подумаю. А пока сходи к Доре ещё за одной лепешкой... Нам нужно закончить разговор.

Сара нехотя вышла.

Сцена 15

Мать. Выпьешь вина?

Марк кивнул. Мария взяла стакан и налила вина. Марк пьет.

Мать. Мне можно тебя спросить?

Марк. Конечно, можно. Спрашивайте!

Мать. Тебе что-нибудь известно о том, что стало с апостолами после смерти Иисуса?

Марк. Вы точно хотите это знать?

Мать. Хочу. Если бы не хотела, не спросила.

Марк. Иоанн Богослов, единственный из двенадцати апостолов, умер своей смертью. Петра распяли, как Христа, только головой вниз. Брата его, Андрея, тоже, только на косом кресте. Филиппа распяли. С Варфоломея заживо содрали кожу и отрубили голову. Фому убили копьями, а Иакова, сына Алфея, забили камнями. Иакову отрубили голову. Иуду Фаддею зарубили мечами, Матфея подняли на копья, а Симона распяли пополам. Иуда из Кариота повесился.

Мать тихо, как бы сама себе. Ужасная судьба! Сколько же ещё людей, поверивших в Иисуса, пошло на смерть?

Марк. Много. Очень много. Сотни тысяч. Адриана положили на наковальню и забили молотами. Варвару Никомедийскую обезглавили. Клементия привязали к якорю и утопили. Теклу Иконийскую четвертовали и сожгли. Афру Аугсбургскую тоже сожгли. Калисто раздавили мельничным жерновом. Агапита из Пренесты повесили за ноги и сожгли. у Ансания Сиенского вырвали внутренности. Беатрису Римскую удавили. Антония Памиерского четвертовали. Кастулия живым закопали в землю. Барнабия Кипрского забили камнями и сожгли. Аполлинария Равенского забили молотом. Бландину из Лиона бросили на растерзание бешеному быку. Аурею Сирийскую посадили на стул, утыканный гвоздями. Ну, и так далее – обезглавлены, сожжены, утоплены, брошены на растерзание, зарублены, распяты, задушены, удушены, колесованы. И все они умирали с именем Иисуса на устах.

Мать. Но ведь сын не хотел этого.

Ветер доносит фразы играющих детей: давай еще поиграем... я устал... не хочу... ну давай, я прошу тебя...

Мать. Ты знаешь, люди... слишком серьезно все воспринимают. Особенно учение Иисуса. Да, и не только его. Вообще – и жизнь свою, и себя самих. Вот в этом, по-моему, и есть главная беда. Это вечное: я, мои мысли, мои вещи, мои дела. Все вокруг себя. Как будто человек – центр вселенной. А владение – штука опасная.

Марк. Почему Вы так думаете?

Мать. Потому что, как только у тебя что-то есть – ты за это держишься. И начинаешь бороться. А борьба... это ведь не просто про врага, это и про себя. Сначала ты хочешь защитить, потом – доказать, потом – уничтожить. И в итоге всё равно теряешь. Иногда – всё. А Иисус... Он ведь вообще другое предлагает. Почти невозможное – любить врага. Но я думаю, это всё-таки возможно. Только надо по-другому смотреть. Как дети, например. Они же мир узнают через игру. Для них это не шутка – это и есть жизнь. Может, и нам так попробовать? Смотреть на всё – как на игру. Не в смысле несерьёзно, а... ну, по-другому. Игра в долг перед Богом. Игра в «потерпи». Игра в «не ответь злом». В «подставь щеку». Сложная игра, да.

Очень. Но, кажется, всё-таки возможная. А выиграешь – и получаешь приз. А приз – как известно... Царствие Небесное.

Марк. Да вы, оказывается, еще и философ!

Мать. Не говори глупости.

Марк. Я подумаю над этими словами, обязательно подумаю, но потом, завтра.

Мать. Ну, тогда спрашивай, что тебя еще интересует?

Марк. Я хотел бы вернуться к тому трагическому дню. Как вы узнали, что Иисус был схвачен?

Мать. Мне об этом сообщил его ученик, Иуда.

Марк. Вы были знакомы с Иудой? С Иудой из Кариота? С предателем вашего сына? Вы разговаривали с ним?

Мать. Совсем немного. И он на меня произвел впечатление порядочного человека.

Марк. Но люди называют Иуду предателем.

Мать. Скажу так, если бы он был предателем, он бы никогда не повесился. Предатели не имеют совести.

Марк. Если поразмышлять, то вся эта история довольно темная. Ведь Иисус ни от кого не скрывался, он проповедовал и совершал чудеса прилюдно. Его легко можно было схватить и для этого не требовалось предательства кого-то из апостолов. Однако оно произошло.

Мать. Произошло потому, что предательство Иуды не было случайным. Я уверена: оно было предопределено. Да, он об этом и сам говорил.

Марк. Так, дайте подумать. Иуда был одним из апостолов, одним из избранных возвещать Царство Небесное, исцелять больных, очищать прокаженных, воскрешать из мертвых и изгонять бесов. Его выбрал сам Иисус. И тем не менее, вы думаете, что предательство Иуды было не случайным?

Мать. Да, я так думаю. Мало того, я уверена в этом.

Марк. А может, Иуда не до конца понял, что на самом деле говорил Иисус, и потому разочаровался? Я сейчас тыкаюсь, как слепой котенок, пытаюсь понять причины его поступка.

Мать. А причины лежат в безграничной любви Иуды. Само предательство указывает на любовь.

Марк. Но там, где предательство, там не может быть любви.

Мать. А если я тебе скажу, что Иисус любил Иуду, а Иуда любил моего Сына?

Марк. Тем страшнее его грех. Он предал любовь.

Мать. Предать Христа мог любой из апостолов. Любой из тех, кому он омыл ноги. Но никто из них не стал поддержкой в его последние часы. Пётр, преданный, как собака, этот будущий первосвященник, хранитель райских врат, этот камень, который гордился своей твёрдостью, трижды его предал. Трижды за одну ночь!

Марк. Оказался слаб. Нельзя его в этом винить.

Мать. А я его и не виню. Иисус об этом знал и говорил. Но Ему необходим был тот, кто помог бы без колебаний выполнить его предназначение. А сделать это мог только тот, кто безгранично любил его и верил ему. Кто мог пойти до конца и выполнить его волю. Среди двенадцати такой был только один. Иуда. Добрый, мягкий, доверчивый Иуда. Он любил Иисуса сильнее всех, сильнее чем Пётр, Иаков, Андрей.

Марк. Нельзя любить сильнее. Любовь она или есть, или ее нет.

Мать. Ну, значит, он единственный, кто любил моего Сына по-настоящему. Иисус не ошибся в нем.

Марк. Да, не ошибся. Вечером того же дня он накинул петлю на шею.

Мать. Он знал, что его тело не вознесется, а будет расклевано и растерзано, а душа прямиком попадёт в ад. Но он пошел на это.

Сцена 16

Гаснет свет, включается проектор и на выбеленной стене дома Мариш появляется черно-белое видео, снятое в стилистике немого кино.

14 нисана (3 апреля) 33 года от Р. Х. Ночь. В дом Мариш в Вифлееме врывается Иуда, ученик Иисуса. Видно, что он долго бежал, он не может отдышаться, а когда начинает говорить, немного заикается.

Иуда. М-мариш? Вы мать Иисуса?

Мать. Что случилось? Вы кто?

Иуда. М-меня зовут Иуда. Я его ученик. Его арестовали.

Мать. Кого арестовали?

Иуда. Иисуса арестовали.

Мать. Кто? Когда?

Иуда. Они шли, и он вместе с ними...

Мать. И что? Ну, говори же быстрее! Не мямли! Почему из тебя нужно клещами всё вытягивать? Кто шел?

Иуда. Иисус с апостолами.

Мать. Так. И что было дальше?

Иуда. А дальше... Дальше я п-привел отряд римских легионеров. И, когда я п-подошел к Учителю, я должен был его п-поцеловать – это такой сигнал... но я его не п-поцеловал. Мне стало вдруг страшно, и я растерялся. Тогда сам Иисус меня обнял и п-прошептал: ты всегда в моем сердце. П-прости меня! И п-поцеловал. Он сам меня п-поцеловал. И все видели это. И вот – когда он меня п-поцеловал, солдаты вынули мечи и схватили его. Один из них сказал, что Иисус обвиняется в б-богохульстве. А п-потом его увели.

Мать. Что ты наделал? Зачем ты их привел?

Иуда. Я думал, что этим с-спасаю его. Думал, что я правильно п-поступаю, что это необходимо было сделать – ради него, ради его спасения!

Мать. Куда его увели?

Иуда. Н-не знаю.

Мать. А остальные? Что они делали? Стояли с открытыми ртами? Почему остальные ничего не делали? Почему его так запросто отдали?

Иуда. Они р-растерялись. Они стояли, как кучка п-перепуганных ягнят. Лишь только П-пётр ударил мечом одного легионера. Да и то, п-плашмя, п-по голове. Да, Иоанн п-полез в драку. Но тут Иисус их остановил и сказал: не вмешивайтесь! Сказал, что так и должно быть. А потом солдат заявил, что это я п-продал своего учителя и бросил мне кошель с деньгами. Я закричал, отбросил в сторону эти деньги, стал орать, как сумасшедший. Я выл, я бросался на солдат, я умолял их отпустить Иисуса, я целовал их сапоги, но они только смеялись надо мной, а п-потом стали меня п-пинать, и бить по голове, и я п-потерял сознание. Когда очнулся, никого уже не было: ни Иисуса, ни солдат, ни учеников. И тогда я п-побежал к вам.

Иуда упал на колени и пополз к матери.

Иуда. П-простите меня! Я не хотел, чтобы всё так п-получилось! Правда, не хотел... Вернее – я хотел. И даже делал всё для этого. Но я – не п-предатель. Он знал об этом с самого начала. Если бы его не арестовали – п-план бы не сработал. Так должно было случиться, п-понимаете? П-понимаете меня? А я... я ему помогал в этом!

Мать. Я ничего не понимаю! Какой план? Почему он сказал – не вмешиваться? Почему? Ничего не понимаю! Ничего, кроме одного: моего сына арестовали. Что теперь делать? Что?

Мария. Ты должна идти.

Мать. Куда?

Мария. Сама пока не знаю.

Мать. Ты права! Дома сидеть и ждать я не смогу. Что-то нужно делать! Мария, ты со мной?

Мария. Да!

Иуда. Может быть, п-пока не стало ясно, чем все это закончится, вам лучше остаться дома?

Мать. Вот ты и оставайся! А мне нужно быть ближе к сыну. Вдруг ему понадобится моя помощь?

Мать берет со стола нож и вместе с Марией выходит из дома.

Иуда бормочет. Но ведь так и должно было случиться! Так должно было произойти! Теперь я – п-предатель! Но я не хотел! Я не хотел его п-предавать, ни за какие деньги! Я виноват... конечно, виноват, но я же н-не виноват! Он сам так захотел! Он – сам!!! А теперь? Что теперь? Что мне делать? Этот грех... этот страшный грех... его не смыть... никогда... никогда...

Иуда стонет, потом начинает отчаянно выть, что-то бормочет и убегает.

Сцена 17

14 нисана (3 апреля) 48 года от Р.Х.

Дом Марии в Эфесе.

Марк. Что было дальше?

Мать. Вино будешь?

Марк. Если можно. А то в горле совсем пересохло – жарко у вас тут.

Мария разливает вино по стаканам. Один подвигает Марку. Мария смотрит, как он жадно пьет. И когда Марк выпил, она добавила ему еще. И сама пригубила. Пауза.

Мать. Что было дальше? А дальше было распятие... В тот день было очень жарко, солнце пекло невероятно. Горячая, сухая пыль хрустела на зубах. Когда я Его увидела, Он был не просто высоким, каким всегда был, а огромным. Он был огромный и весь в крови, и нес на себе этот крест. И крест был такой громадный, что я подумала – как ему должно быть тяжело. Я так тогда подумала. Перед ним шел солдат с табличкой, на ней было написано – Иисус Назарянин, Царь Иудейский. И еще что-то, на другом языке, я не разобрала. За ним шел другой солдат и бил в барабан. Но я не слышала звука самого барабана, потому что толпа, которая собралась поглазеть, громко шумела. Толпа шумела, плакали женщины. Они даже не плакали, они выли так, что сердце разрывалось. А Он вдруг остановился, развернулся вместе с крестом к народу – это было так неожиданно, что все замолчали, и стало очень тихо, и заговорил. Громко так, звеняще, непривычно мне было слышать, как Он так громко говорил. «Дочери иерусалимские! Не плачьте обо мне, но плачьте о себе и о детях ваших. Ибо приходят дни, в которые скажут: Блаженны не плодные и утробы не родившие, и сосцы не питавшие! Тогда начнут говорить горам: Падите на нас! И холмам: Покройте нас! Ибо, если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим, что будет?» Что Он хотел сказать, я так и не поняла. Наверно, это было пророчество. А потом Он обратился к толпе: «Позвольте свершиться тому, что должно и ничего не предпринимайте. Любите ближнего, как самого себя! Любите врагов ваших, как самого себя! Любите без всяких условий и великодушно служите друг другу! И бесконечно прощайте друг друга,

как прощает Отец ваш Небесный!» Потом солдат ударил Его плетью, больно так ударил, Он аж вздрогнул, и пошел дальше. Вокруг опять заплакали женщины, зарыдала Мария, его невеста. А я не плакала, нет. Не могла. Слезы как будто высохли, а глаза ослепли. Душа моя раскололась на мелкие кусочки, как стекло. И только боль... боль... такая тягучая, такая нудная, тянула и тянула, не переставая ни на минуту, и сжимала горло так, что я не могла кричать. А потом... потом мой мальчик дошел до этой горы, до этой Голгофы, будь она проклята! Там распяли и мою душу тоже. На вершине Он сбросил крест, снял с себя одежду и лег. Когда стали приближать Его к кресту, наступила такая тишина, такая... слепая, что я услышала Его голос. Моему мальчику было очень больно, и он стонал! Я рванулась к нему, но солдат ударил меня, и я упала. Вот тут слезы и хлынули градом, я принялась их вытирать, но они не слушались, лились и лились, как назло, в глазах стояло большое, размытое пятно и я не видела, как поднимали крест. Я только слышала его стон. Я закричала: я мать! Пропустите меня! И бросилась к нему. Я так закричала, так закричала, что солдаты пропустили меня. Сын меня увидел. Ему было трудно дышать... Он задыхался. Я услышала, как Он прошептал: мама... мама... прости... А потом он так резко, так громко закричал, что у меня внутри все оборвалось. И пошел дождь. В тот момент, когда он закричал, пошел дождь, представляешь? Как-будто Отец Небесный услышал Его боль и опрокинул всю воду, какая только была, на землю. Дождь лил сплошным потоком. Он смотрел в небо, и вода смывала кровь с лица Его. И тогда я услышала последние Его слова: Отец мой... в твои руки... передаю... свою душу... Дождь резко прекратился, как будто его и не было, а небо опять стало голубым. Потом тело стали снимать с креста. Это было не так-то легко сделать: солдаты пытались выдернуть гвоздь, держащий ноги моего мальчика, три здоровых бугая пытались вытянуть этот длинный ржавый гвоздь, но им долго не удавалось это сделать. Потом тело отвезли в склеп, я вместе с Марией обмыла сына, помазала его миро, и мы обернули Его в погребальные пелена. Громадным камнем солдаты закрыли вход в склеп... Как я провела ту ночь, точно уже не помню, помню только то, что плакала беспрестанно. Все глаза свои выплакала. А на следующее утро вместе с Марией сразу пошла к Нему, к склепу. Но там было пусто. Камень, этот тяжелый, огромный камень, который двигали пятнадцать здоровых мужиков, был отодвинут, внутри стоял запах миро, а Его не было – тела не было. Я растерялась. Первое, что мне пришло в голову, что Иисуса выкрали. И тогда я услышала голос: «Глупая, почему ты ищешь живых в том месте, где покоятся мертвые? Иисус воскрес!»

Мария взяла свой стакан и выпила вино до дна.

Марк. Почему же Он не призвал на помощь Отца, а решил умереть на кресте?

Мать. Он был весь наоборот...

Марк. Я понял: Он верил, что люди станут другими после Голгофы. А скажите...

Мать. Теперь уходи!

Марк. Мы еще не закончили!

Мать. Уходи...

Марк. Как вы думаете, Иисус бы меня простил?

Мать. Он тебя уже простил. Уходи...

Марк. Все-все, ухожу!

Марк выключил диктофон, положил его в сумку и пошел. Перед выходом оглянулся.

Марк. Благодарю вас, что согласились...

Мария перебила его.

Мать. Да, иди уже ты!

Марк вышел.

Сцена 18

Мать встала, подошла к чану, опять намылила рубашку чёрным мылом и продолжила отстирывать кровь. Потрёт-потрет, поднимет рубашку, посмотрит и опять начинает тереть.

Мать бормочет. Я хочу ее отстирать! И я ее отстираю! Я тебя отстираю, ты слышишь! Я тебя отстираю!

В дом вошла довольная Сара с половиной лепешки.

Сара. Ба, извини, пока шла, пол лепехи сжевала.

Мать. Ну, сжевала и сжевала. Во благо!

Сара. А Марк уже ушел?

Мать. Ушел.

Сара. И меня не дождался?

Сара села на табурет.

Мать. Зачем ты ему?

Сара. А как же Рим, учеба...

Мать. Мы с тобой об этом еще не поговорили.

Сара. Ба, милая моя, родная, так давай, поговорим.

Мать. Не торопись. Немного подрасти, а потом езжай.

Сара. Я уже взрослая!

Мать. Взрослая, не спорю, но ехать одной в такую даль... Это, в конце концов, опасно.

Сара. Ничего со мной не случится, я знаю. Я верю в это!

Мать. Ну, веришь и верь дальше. Твое право.

Сара. Я верю!

Мать. Вот мать приедет, с ней и договаривайся.

Сара. Ну, и договарюсь, не сомневайся!

Мать. Упертая! Вся в отца! Вот и он тоже верил, а чем все закончилось?

Пауза. Сара отламывает кусок от лепешки и жует.

Сара. Ба, а почему люди почитают Иисуса, если его учение не спасло мир?

Мать. Вот ты вопросыки задаешь!

Мария положила рубаху в чан, вытерла руки о подол.

Мать. Ну, потому что в его жизни, в его учении есть то, что дает надежду и силу, это – любовь, прощение и самопожертвование. Но все, к чему Он призывал, оказалось никому не нужным.

Сара. Почему?

Мать. Люди любят казаться добрыми. Это вызывает уважение к себе. Но на самом деле им ни добра, ни любви не нужно. Они лицемерны по своей природе. Они обожают ссорить,

стравливать, интриговать, науськивать друг на друга, устраивать кровавые разборки, жульничать, врать. И совсем забывают, для чего живут. Даже не догадываются, что пришли на эту землю с одной целью – обрести счастье.

Сара. А я вот хочу быть счастливой!

Мать. Не только ты, все хотят быть счастливыми. Но хотеть и быть – это две разные вещи. Человек как будто обмотан паутиной: все вроде бы на месте – ручки, ножки, голова... А внутри – пусто. Чтобы стать по-настоящему счастливым, нужно много работать. Над собой. А это – трудно. Очень трудно. Потому что наш мир – как чёрная дыра: поглощает все духовное.

Сара. Значит, все бессмысленно?

Мать. Нет, нет, что ты! Добро обязательно победит.

Сара. Только когда это случится?

Мать. Не думай об этом. Лучше сходи погуляй с Мироном.

Сара. Ба, ты у меня лучшая!

Сара обняла Марию, поцеловала.

Сара. Я возьму лепешку?

Мать. Да, бери, чего уж.

Сара взяла лепешку со стола и убежала.

Сцена 19

Мария подошла к окну.

Мать. Сыночка, родной мой, услышь меня! Я устала, я очень устала, даже Сара не спасает. Душа моя словно окаменела, и я уже никогда не смогу почувствовать даже подобия радости. Каждый день я просыпаюсь – и сил нет поднять руки, я лежу, свернувшись, как младенец в утробе, и понимаю, что я во всем виновата. Это я виновата – нельзя мне было отдавать тебя на крест, лучше бы сама пошла вместо тебя. И эта мысль сверлит и сверлит меня постоянно, не даёт покоя. Я ложусь в кровать, как в гроб, закрываю глаза и вижу тебя, и прошу тебя: прости меня, обними меня, забери меня. Я ругаю себя, подбадриваю, заставляю встать и идти – готовлю, ем, стираю, убираю, опять готовлю, опять ем, опять убираю. Новый день похож на предыдущий, и каждый божий день я вспоминаю тебя! Иногда даже слышу тебя, и тогда жизнь становится чуточку нежнее – ты приходишь и разговариваешь со мной, и я тебе что-то отвечаю. Не вижу тебя, только голос твой слышу, а потом оглянусь – а тебя уже и нет, только занавески колышутся. И тогда такая тоска на меня наваливается, так начинает грызть, что дышать невозможно! Я задыхаюсь без тебя! Забери же ты меня отсюда, прошу тебя! Сил уже нет больше терпеть, как я по тебе соскучилась, родной ты мой! Как же я по тебе соскучилась! Как соскучилась!

Она глубоко вдохнула, по лицу промелькнула легкая улыбка, потом взгляд у нее изменился и появилось какое-то удивление, словно увидела что-то или кого-то, потом покорно закрыла глаза, еще раз вдохнула и умерла в одно мгновение.

Медленно гаснет свет.

Голос Иисуса. Мама, ну, иди же ко мне! Я хочу тебя обнять!

КОНЕЦ

ДОРОГА В АД

История одной школьной травли

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Он

Ученики класса, они же исполняют всех действующих лиц, встречающихся в тексте

На сцене стоят школьные стулья, на заднем плане висит огромный экран. Свет в зрительном зале гаснет, а на черном фоне экрана возникают мерцающие буквы:

Все персонажи являются вымышленными и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

Типр исчезает. В полной темноте начинает звучать песня «Happy Birthday to You» и секунд через пять на экране появляется домашнее видео: мама и папа поют песню-поздравление и держат в руках торт с горящими свечами. Ставят торт перед мальчиком. «Загадывай желание и задувай свечи!» Он закрывает глаза и дует на свечи. Камера наезжает на лицо мальчика. Он полон радости, смотрит на торт и улыбается. Впереди лежит длинная-длинная жизнь. Какая она будет? Возникает стоп-кадр лица мальчика.

Он смотрит на экран

Он. Я с самого детства чувствовал себя не таким, как все. Со мной как-то не хотели дружить. С самых ранних лет я уже знал, как это неприятно, когда ты один и с тобой никто не хочет играть

Он идет и садится на центральный стул. Во время текста на экране возникают детские фото мальчика, одного и с родителями.

Он. Иногда по вечерам мама с папой уходили. Родной мой, мы скоро вернёмся! – говорила мама и я оставался один. Совсем один. Там, за дверью, была другая, шумная жизнь, а здесь, в комнате, стояла тишина, в которую иногда, как в коктейль, подмешивались приглушённые звуки машин с улицы и разговоры соседей. Чтобы было не скучно, я забирался на широкий подоконник и смотрел на город сверху, с шестого этажа. Там бегали машины, люди-муравьишки спешили куда-то, то шёл дождь, то снег, темнело, потом зажигались фонари и в комнату вползала огромной, черной паучихой, ночь. Она скалила на меня свой мигающий глаз, резко прыгала с потолка на стены, потом вдруг раздваивалась и начинала медленно ползти прямо ко мне. Все ближе и ближе. Ближе и ближе. Так, что я мог рассмотреть волосинки на её тонких щупальцах. Как загипнотизированный, я следил за ней и страх медленно вползал в меня. От испуга я утыкался носом в холодное стекло и начинал лихорадочно искать маму. Но мамы нигде не было! И тогда я начинал плакать. Тихо. Мне казалось, что меня бросили и я никогда больше не увижу маму. Слезы лились градом и яркие огни за окном расплывались в пятна. Вдруг где-то хлопала дверь, раздавались шаги, я замирал, но шаги проходили мимо, унося за собой чужой голос. Я опять начинал тихо плакать, и сопли текли из носа, я размазывал их по лицу и слизывал языком. Потом успокаивался, засыпал, здесь же, на подоконнике, и мне снилось, как мама наклоняет ко мне свое родное лицо и тихо говорит: ну, вот мы и пришли!

Правда быстро? Берет меня на руки и осторожно несет на кровать, а я шепчу ей: я тебя никому не отдам! Даже папе! Мне тогда было года три.

На экране появляется видео из домашнего архива – в парке гуляют мама, папа и пятилетний герой. Они катаются на аттракционах, в лодке по озеру, едят мороженое или сладкую вату и смеются, смеются, смеются.

Он. Хорошо быть маленьким. Все тебя любят. Носятся с тобой, как с писанной торбой. Но стоит только немного подрасти, как что-то незримо меняется. Когда я ходил в детский садик, мне уже было лет пять, мама иногда оставляла меня там на ночь, такой был круглосуточный садик. И однажды я ночью описался, так сладко спал, что описался, причём во сне. До сих пор помню, как я сильно захотел в туалет, и, что есть силы, быстро побежал, но там была большая очередь, как будто все одновременно, разом захотели, все стояли, переминались с ноги на ногу, и я тоже стоял, и тоже стал переминаясь с ноги на ногу, но от этого писать меньше не переставало хотеться и когда уже не было мочи терпеть, я побежал в кусты и стал писать. Так хорошо, так приятно мне никогда не было. А когда стало тепло и мокро, я понял, что сделал это прямо в постель, открыл глаза и стал прислушиваться к своим ощущениям. Мне было немного стыдно, но очень, очень приятно. Я дописал все, что ещё хотел, а потом уснул. А утром был скандал. Нянечка так кричала, так кричала, что я испугался и только мог, что таращился на неё, а она трясла у меня перед лицом пустым горшком. А потом схватила другой, несколько раз макнула меня в него носом, как маленького щенка, когда он тоже напакостит. Ребята засмеялись. А я стоял и плакал. Причём плакал тихо, без голоса, только слезы текли, а я стоял и не вытирал их. Мне было очень обидно. Я больше не хотел ходить в этот садик. Когда утром мама повела меня туда, я сопротивлялся, вырывал руку, кричал, но мама крепко меня держала, терпеливо уговаривала и вела, вернее, тащила в это страшное место. И даже не поинтересовалась, почему я не хочу туда идти. Да я бы и не сказал. Слишком стыдно было про это говорить. А когда она стала уходить, я рванул к ней с криком: Я тебя ненавижу! Что б ты сдохла! Вечером дома про мои гадкие слова мама не говорила, а я все ждал: ну, когда, когда же меня буду ругать? Ну, когда? Давай уж, начинай! Я был готов к тому, чтобы меня выпороли. Но они молчали. Я провинился и понимал это, но они молчали и никогда больше не вспоминали, даже вскользь, этот случай.

На экране возникает домашнее видео: он пошёл в первый класс. У него в руках цветы. Он стоит вместе с одноклассниками и учительницей. Неподалеку счастливые родители. Звучит первый звонок и ручеек детишек перетекает в школу.

Он, смотрит на экран. Моя школа... Сколько радости я ждал от нее, сколько было надежд? Но она стала самым заклятым моим врагом.

На сцену вышел весь класс. Мизансцена должна выстраиваться таким образом, чтобы класс был, как единое целое, как пчелиный рой, перетекал, вытягивался, группировался, а он всегда оставался в стороне, один.

Девушка 1. Всех нас так или иначе дразнили. Кто в очках – очкарик, кто полный – тот толстяк.

Девушка 2. Приходил мальчик, а у него сопли зелёные висят, над ним тут же начинали ржать.

Он. Меня практически сразу стали обижать. Все началось с Дениса.

Денис (парень 1) подошел и, улыбаясь, стал толкать его.

Денис (парень 1). То стукну его, то толкну. Ну, чем-то он меня притягивал. Может, чувствовал, что он не даст мне сдачи, не знаю, но мне хотелось его задеть.

Денис (парень 1) неожиданно развернулся к ребятам, схватил Марту (девушку 1).

Он. Когда Денис в гардеробе стал приставать к Марте, а потом повалил ее на пол и стал требовать, чтобы она сняла свои трусы, я вступился за девочку.

Он стал тащить Дениса (парень 1) от девочки.

Он. Отпусти, Марту! Ты чё, глухой?

Денис (парень 1) отпустил девочку, набросился на него и повалил на пол.

Денис (парень 1). Ты чё, смелый? Тебе чё, больше всех надо? Я тебе сейчас морду разукрашу, урод!

Из массы учащихся появилась учительница (девушка 3 надела черные роговые очки)

Он. Прибежала учительница и стала разнимать нас.

Денис (парень 1) оглянулся, но его не отпустил.

Учительница (девушка 3). Денис, прекрати! Прекратите немедленно драться! Оба! Разошлись! Разошлись, я сказала! Вы домой собрались? Вот и идите!

Денис (парень 1) нехотя отпустил мальчика. Он поднялся, поправил одежду и подошел к Марте (девушке 1). Все с любопытством наблюдают за ними.

Он. Можно, я тебя провожу?

Марта (девушка 1). Можно.

Они идут в авансцене. Все, с любопытством – за ними.

Марта (девушка 1). А ты смелый!

Он. Я теперь тебя всегда буду защищать! Ты ничего не бойся!

Марта (девушка 1). Мне еще никто такое не говорил! Спасибо!

Класс резко меняет мизансцену, обходит его с девочкой. Денис (парень 1) вновь на него нападает.

Он. На другой день на перемене Денис неожиданно ударил меня по лицу, а когда я закричал, стал затыкать мне рот. Учительница снова разняла нас.

Учительница (девушка 3). Да, что же это такое! Денис, перестань!

Денис отталкивает его от себя. Резкая смена мизансцены. Учащиеся, как жуужжающий рой, облетают всю сцену, становятся позади и медленно надвигаются на него. Он оглядывается.

Девушка 2. Мальчишки нашего класса не были плохими.

Девушка 5. Обычные ребята, которые играют в футбол, ходят на борьбу, могут бросить и матерное словечко.

Парень 3. Как большинство обычных пацанов, мы с самого детства стремились показать себя «мужиками».

Он. А я худой и маленький, не по возрасту ответственный, ну, такой «ботаник», и совсем не компанейский, этим мальчишкам не нравился. Со мной никто не хотел дружить.

Ребята быстро сели на стулья. Он достал ручку и стал ее грызть от волнения.

Парень 4. Его стали называть «бобром» потому, что учительница сказала:

Учительница (девушка 3). Что ты, как бобр, все грызешь?

Все засмеялись.

Он. А я действительно на уроках грыз ручки. Ну, такая у меня привычка осталась с детства.

Парень 1. Мы постоянно смеялись над любым, сказанным им, словом.

Учительница (девушка 3). Итак, вопрос: кто бежит быстрее машины?

Парень 2. Лошади.

Девушка 2. Гепард.

Учительница (девушка 3). Так. Теплее, теплее.

Он поднимает руку, встает и отвечает.

Он. Страусы бегают быстрее машины.

Ребята смеются.

Учительница (девушка 3). Ребята, почему вы смеетесь? Все правильно! Страусы бегают быстрее машины. А как быстро они бегают? С какой скоростью?

Он. Я забыл!

Все в классе опять смеются. Он посмотрел на Марту – она одна не смеялась.

Он. Марта одна в классе относилась ко мне по-человечески.

Марта (девушка 1). Мне он сразу понравился... ну, тогда, когда защитил меня. Я смотрела на него по-доброму и всегда улыбалась, когда он совершал какой-нибудь промах. Он был милый.

Он. А я смотрел на нее, как на чудо! Она стала для меня принцессой. Настоящей принцессой! Днем и ночью я мучительно думал, какой подвиг совершить, чтобы она меня полюбила. «Скажи мне, чего ты хочешь? Я все исполню!» – представлял я. А она мне ответила вдруг: «Принеси мне сердце твоей матери!» «Матери?» – переспросил я. «Да, матери», – жестко ответила она. «Нет! – крикнул я. – Я понял, ты никакая не принцесса. Ты баба Яга, которая притворилась принцессой!»

Учительница (девушка 3). Встань! О чем я сейчас говорила?

Он. Я молчал. Откуда мне было знать, о чем она говорила, если такие события происходили в моей жизни?

Учительница (девушка 3). Ты слышишь, о чем я тебя спрашиваю?

Он. Слышу...

Учительница (девушка 3). Опять сидишь и мечтаешь! Завтра, чтоб без матери, в школу не приходил. Ясно? Садись!

Резкая смена мизансцены.

Он. Вечером я рассказал маме о случившемся.

Мама (девушка1) подошла к сыну.

Он. Мама, тебя учительница в школу вызывает. Ты только папе не говори!

Мама (девушка1). Не скажу, хорошо. Что случилось, родной мой?

Он заплакал. Мама (девушка1) обняла сына и погладила по голове.

Он. Ну, почему я такой?

Мама (девушка1). Какой?

Он. Непутевый! Почему она именно меня спросила? Могла бы другого.

Мама (девушка1). А ты отвлекся, да? И прослушал, что говорила учительница?

Он. Да!

Мама (девушка1). Ничего, мой родной, это пустяки. В жизни случаются вещи и пострашнее. И на следующий день я пошла в школу.

Мама (девушка1) и учительница (девушка 3) вышли на авансцену.

Учительница (девушка 3). Он замечательный мальчик! Но только ужасно рассеянный. Не слушает меня и постоянно витает где-то в облаках. Помогите мне, прошу вас!

Мама (девушка1). Как?

Учительница (девушка 3). Объясните ему. Вам, как матери, лучше знать.

Мама (девушка1). Я не знаю!

Учительница (девушка 3). Ну, объясните, что он обязан учиться, что он должен быть внимательным на уроках.

Мама (девушка1). Я с вами согласна! Вот вы и добейтесь этого! Приложите усилия, чтобы он вас слушал. Вас не зря же учили психологии в институте.

Учительница (девушка 3). Что вы хотите сказать? Что я должна перед ним плясать? Сомневаюсь, что это поможет.

Мама (девушка1). А вы попробуйте!

Учительница (девушка 3). Вы что, издеваетесь?! У вас ребенок психически не здоров. Рекомендую показать его врачу.

Мама (девушка1). У меня абсолютно нормальный ребенок. И я вам тоже рекомендую пройти курсы повышения квалификации.

Учительница (девушка 3). Ну вот, называется, и поговорили!

Мама (девушка 1) и учительница (девушка 3) расходятся. Он выбегает на авансцену. Меняется свет, остается только луч, высвечивающий его и Марту (девушку 1). Он несет и свой рюкзак, и Марты.

Он. После уроков я провожал Марту из школы домой. Все мои фантазии о том, что моя принцесса потребует принести сердце мамы, к счастью, оказались неправдой.

Марта (девушка 1), с негодованием. Как ты мог такое подумать про меня!

Он. Не обижайся, прошу тебя!

Марта (девушка 1). На дураков не обижаются!

Он. Вот и хорошо!

Они немного помолчали.

Марта (девушка 1). Значит, я тебе нравлюсь?

Он. Да.

Марта (девушка 1). А как понять, что ты нравишься?

Он. Ну, это сразу видно. Реснички быстро опускаются и поднимаются, а из-под них сыплются звезды.

Марта (девушка 1). А я думаю, они просто смотрят друг на друга, а в это время их еда остывает.

Он. А тебе уже кто-нибудь нравился?

Марта (девушка 1). Это было давно, еще в садике. А тебе?

Он пожал плечами.

Он. Никто. Я пока тебя не увидел и не знал, что такое может быть. Я был занят другим.

Марта (девушка 1). Чем?

Он. Я любил собирать Лего. Часами мог сидеть, пока не сделаю.

Марта (девушка 1). А у тебя есть любимая книжка? Ты любишь читать?

Он. Нет, читать не люблю, а когда мама мне читает, люблю. Я сразу быстро засыпаю.

Марта (девушка 1). А я люблю, когда мама целует меня на ночь. Потому что, больше никто этого не делает. И поэтому, я думаю, что мама любит меня больше, чем кто-либо. Даже больше, чем папа.

Он. Я думаю, нельзя любить больше или меньше. Можно просто любить.

Марта (девушка 1). А так хочется, чтобы кто-нибудь любил больше! Ну, вот мы и пришли. Давай рюкзак.

Он отдал рюкзак Марте.

Он. Мне с тобой интересно. До завтра.

Марта (девушка 1). До завтра.

И Марта ушла, растворилась в темноте, а он остался.

Он. А когда я пошел домой, я встретил своих одноклассников. Они гуляли с собакой. И натравили её на меня. Я испугался, побежал и упал. А собака подбежала, но не стала кусать, только лизнула в лицо. А ребята посмеялись и ушли. Я тогда очень сильно испугался и дома рассказал об этом родителям.

К нему подходят родители. Отец держит в руках ружье, протирает его тряпкой, переломил ствол, смотрит. Мама держит в руках кастрюлю с только что сваренным картофелем.

Отец (парень 3). А чего бежал-то? Надо было остановиться, посмотреть на собаку и крикнуть «Фу»!

Мама (девушка 1). Он испугался, вот и побежал! Тебе легко говорить. Ты – взрослый, и знаешь, как вести себя с собакой. Я думаю, надо пойти в школу и поговорить с детьми, почему они так поступили.

Отец (парень 3). А я думаю, не надо куда-то идти. Ничего страшного не произошло. В конце концов, это тоже опыт.

Родители ушли, он остался. Смена света.

Он. В тот день Ольга Ивановна раздала нам тетради с нашими сочинениями на тему рисунка.

Учительница (девушка 3). Напомню вам. На рисунке в учебнике изображены дети, которые смотрят, как птицы едят из кормушки. Первым прочтет свое сочинение Ильдар.

Ильдар (парень 4) встал, подошел к учительнице и стал читать.

Ильдар (парень 4). «Серик и Настя увидели, как птицы слетелись к кормушке. Они подошли и стали смотреть, как птицы едят.»

Учительница (девушка 3). Ильдар, молодец! Так, следующим... будет читать... так, давай, ты.

Учительница (девушка 3) показала на него рукой. Он взял свою тетрадь и стал с волнением читать.

Он. «Хороший мальчик вместе с папой сделал кормушку и повесил ее на дерево. А девочка принесла кусочек хлеба и покрошила его в кормушку. Прилетел воробышек и стал радостно клевать. А потом прилетели скворцы и прогнали воробышка. Он сел на травку и заплакал.»

Учительница (девушка 3). Ошибка! Где ты видел, чтобы птица плакала? Вот что получается, когда не слушают, о чем говорит учитель! Читай дальше!

Настроение у него испортилось.

Он. «Тогда девочка и мальчик насыпали ему крошек. Он сказал: спасибо! И стал кушать.»

Учительница (девушка 3) засмеялась так заразительно, что вскоре за ней один за другим засмеялся весь класс. Наконец, учительница успокоилась и сказала:

Учительница (девушка 3). Какая чушь! Птицы не могут говорить! Ты слышал когда-нибудь, чтобы птицы говорили?

Он, угрюмо. Это сказка.

Учительница (девушка 3). Какая еще сказка? Было задание написать рассказ. Рассказ по картинке. Вот что получается, если не слушать то, о чем говорят на уроке.

Он упрямо молчал. Класс тоже. Пауза затянулась. Учительница поняла, что переборщила.

Учительница (девушка 3). Ладно, садись! И в следующий раз будь внимательнее!

Перемена мизансцены.

Он. Меня продолжали дразнить «бобром». Я решил постоять за себя и сказал: «Хватит!» А один из одноклассников ударил меня по лицу и разбил переносицу. Я от боли заплакал. В медпункте мне заклеили рану и потом я пошел домой. Мама, конечно же, сильно расстроилась и на следующий день пошла в школу.

Быстрая смена мизансцены.

Мама (девушка1). Захожу, а меня уже встречает учительница:

Учительница (девушка 3). Вы не расстраивайтесь, все в порядке! Его уже увезли на скорой в больницу.

Мама (девушка1). Что случилось?

Учительница (девушка 3). Ну... ему разбили голову.

Он. Была очередная передряга: у меня отобрали пенал, стали его швырять. Я стал его отбирать. Меня толкнули, я упал и разбил голову о стул.

Смена света и мизансцены. Ночь.

Мама (девушка1). Я очень хорошо помню: глубокая ночь, все спят. И вдруг в темноте раздается.

Он тихо. Мам, мам!

Мама (девушка1). Я просыпаюсь, вижу сына. Стоит в трусах, ежится и говорит мне:

Он. Я забыл сделать домашнее задание по чтению.

Мама (девушка1). Ладно уже, фиг с ним! Ложись спать!

Он, сквозь слезы. Нет, я должен сделать сейчас!

Мама (девушка1). И он заставил меня встать, и мы полночи делали это чтение. Я тогда поняла, как же сильно он боится учительницу. Утром я заговорила с мужем о переводе сына в другой класс.

Перемена мизансцены. Отец (парень 3) выходит из толпы с чашкой кофе в руках и бутербродом. Он вкусно ест и говорит.

Отец (парень 3). Я не согласен! Положим, мы переведем его к другой, хорошей учительнице, что он от этого выиграет? Да, ничего... Станет еще более невнимательным, будет хуже учиться... Характер воспитывается с детства. Если мы сейчас станем ему потакать, завтра с ним нельзя будет справиться.

Мама (девушка1). Не знаю! По-моему, она его ненавидит.

Отец (парень 3). Ты соображаешь, что говоришь? Да, за что его можно ненавидеть? Он что, мешает ей делать карьеру?

Мама (девушка1). Мешает!

Отец (парень 3). Не говори ерунды!

Отец (парень 3) отдал маме (девушка 1) пустую чашку.

Мама (девушка1). Этот разговор так ни к чему и не привел. Сын остался учиться в своем классе, и у этой учительницы.

Смена света и мизансцены. Масса преследует его. Он пытается спрятаться от них за стулья.

Он. После каникул, когда я перешел во второй класс, думал, что все измениться, но нет: все осталось по-старому. У них даже появился какой-то азарт. Я приходил в школу минут за сорок до начала уроков, и, если в это время в классе был кто-то из мальчиков, для меня начинался ад. И я с восьми утра ждал, когда же, наконец, закончатся уроки и я смогу пойти домой.

Парни, стараясь добраться до него, убирают на своем пути стулья, передавая их по цепочке. Им весело, они возбуждены игрой, смеются.

Парень 1. Мы «прикапывались» к любой ерунде. И я был в самых первых рядах.

Парень 5. Я любил его обзывать.

Девушка 3. А я больно щипала.

Девушка 4. Я кидала в него дождевых червяков.

Парень 2. А я однажды засунул ему в портфель дохлую мышь. Вот было весело!

Он, лишенный защиты, встал.

Он. Конечно, я дома пытался рассказывать. Когда говорил, что меня обижают, родители советовали давать сдачи. Теоретически я мог это делать, но драться с человеком для меня это было невыносимо. И родители, ничего лучшего не придумав, отдали меня в секцию борьбы.

Из толпы выходят парень 1, парень 2, парень 3, парень 4 и парень 5. Тренер (парень 4) дунул в свисток.

Тренер (парень 4). Так, ребята, внимание! Начнем с пробежки.

Ребята побежали по кругу. К тренеру подошел он.

Тренер (парень 4). Чё смотришь? Присоединяйся к остальным!

Он побежал вместе с остальными ребятами. Потом все встали друг против друга и стали бороться. Для него партнера не нашлось. И тогда тренер подошел к нему, а он стоял и не двигался.

Тренер (парень 4). Ну и, че ты стоишь? Нападай, борись! Не стой! Ну, давай! Давай!

Он подошел к тренеру и неловко обхватил его за талию.

Тренер (парень 4). Обнимать будешь девчонку, а меня ты должен повалить. Вот смотри. Ставишь ногу вот так, и толкаешь. Понял?

И тренер повалил его на пол.

Тренер (парень 4). Че разлегся? Вставай и нападай еще раз!

Оо встал. Нападать совсем не хотелось.

Тренер (парень 4). Жакыпов, покажи новенькому, как нужно работать, а то у меня нервов на него не хватает.

Подошел Жакыпов и стал бросать его на пол. Не успевал он встать, как сразу же оказывался на полу. Тренер смотрел на все это с сожалением.

Он. Позанимался я там какое-то время, а потом тренер сказал

Тренер (парень 4). Слушай, так дело не пойдет! Как только у тебя доходит до спарринга, ты почему-то стоишь, как парализованный. Что там у тебя в голове в этот момент происходит, мне не понятно. Но одно я понял точно: это не твоё. Поэтому рекомендую тебе больше не заниматься борьбой.

Резкая смена мизансцены и света. Из толпы выходят отец (парень 3) и мама (девушка 1).

Отец (парень 3). Что значит, тренер порекомендовал? Что значит, у него не получается? Значит, нужно сделать так, чтобы получилось! Пусть поработает с ним индивидуально. Пусть он заставит его делать то, что он должен делать на занятиях!

Мама (девушка1). Никому он ничего не должен! И заставлять его – это уже перебор!

Отец (парень 3). Не говори глупости! Не хочет он! Хотелка еще не выросла! Если не хочет, значит, нужно заставить. Значит, нужно через не хочу. Чтобы он почувствовал себя, наконец-то, мужиком!

Мама (девушка1). Помолчи! Ты слышишь звук? Как будто что-то заколачивают.

Отец (парень 3). Мы пошли в детскую. Сын сидел на кровати и бился головой об стенку.

Мама (девушка1). Родной мой, что случилось?

Он. Я не хочу, чтобы вы ругались! Хватит уже ругаться из-за меня! Хватит!!!

Мама обняла сына. Смена мизансцены.

Отец (парень 3). Третий класс тоже не принес ничего нового. Чтобы хоть как-то разрешить эту ситуацию, мы решили показать ему фильм «Чучело».

На экране появляется отрывок из фильма «Чучело», вторая серия, со слов «Отдай платье!» с 20:48 до 21:31.

Он. Когда я посмотрел, то ещё долго молчал и плакал. А потом сказал: «Очень похоже на наш класс... А я как раз Чучело и есть.»

Отец (парень 3). Так, хватить нюни распускать! Давай, соберись! Какое ты чучело? Что ты несешь? Посмотри на себя – абсолютно нормальный парень!

Мама (девушка1). Подумай, может быть, ты сам неправ. Может быть, ты сам провоцируешь ребят так с тобой поступать?

Он. А я стоял и молчал. И не знал, что ответить.

Отец (парень 3). Так, в общем, ты уже не маленький, за ручку тебя водить больше никто не будет. В конце концов, ты же мужик, вот сам и разбирайся!

Он. И с тех пор я больше никогда не просил их ходить в школу и разбираться. Я решил, что это чисто мое дело, я сам должен справиться.

Резкая смена мизансцены. Все рассаживаются по стульям.

Парень 2. Помню, мы сидели на уроке, и я плевал в него бумажками.

Он. Я разозлился, развернулся, толкнул его парту и тут же сильно испугался.

Парень 2 схватил его за воротник рубашки.

Парень 2. А если я поймаю тебя после уроков и изобью?

Он медленно убрал руку мальчика и встал. Пошел вперед к авансцене. Класс угрожающе за ним.

Он. Я стал очень нервным, появились тики. Щека стала вот так дергаться. Теперь к травле присоединились девочки. И даже та, которую я защищал, моя принцесса.

Марта (девушка 1). Все откликнулись на зов: «Ату его!» И я тоже стала называть его придурком и дебилом.

Он повернулся к классу, вернее, к девочке.

Он. Ну, почему? Ты-то почему?

Марта (девушка 1). Если я продолжу с тобой дружить, то и меня начнут чморить. Извини!

Марта (девушка 1) развернулась и ушла, слилась с толпой, которая насмешливо наблюдала за ним. Он повернулся к зрителям.

Он. Я вернулся домой, в ярости кинул портфель, упал на кровать и со всей дури стал колотить подушку. Бил и плакал. Бил и плакал. А потом уснул. Разбудила меня уже мама, когда пришла вечером после работы.

Мама (девушка 1) подошла к сыну, погладила его по голове, взъерошила волосы, поцеловала в макушку.

Мама (девушка 1). Ну, что, родной, как настроение? Что нового сегодня узнал в школе?

Он не отвечал.

Мама (девушка 1). Что случилось, милый? Тебя обидели?

Он, не поворачивая лица. Все предатели и обманщики! Никому верить нельзя!

Мама (девушка 1). Даже мне?

Он развернулся к маме и посмотрел ей в глаза. Долго.

Он. Нет. Тебе можно. Ты – моя мама.

Мама (девушка1). Ну, вот и хорошо! Я вот о чем подумала. Ты только не ершишься сразу. А что, если тебе перейти в другую школу? Не в другой класс, а в другую школу?

Он. Я думал об этом. Нет. Получится, что я трус. А я не хочу никуда бежать. Нет!

Мама (девушка1). Хорошо! Я хочу, чтобы ты знал: мы с папой всегда с тобой! Ты всегда можешь рассчитывать на нашу поддержку. А еще у меня есть хорошая новость: скоро у тебя появится братик.

Он поражен, растерян.

Мама (девушка1). Ты не рад?

Он. Значит, скоро я стану совсем никому не нужен!

Мама (девушка1) обняла его.

Мама (девушка1). Ну что ты такое говоришь? Выбрось это из головы! Любить тебя меньше мы точно не станем!

Он. Ага!

Мама (девушка1). А давай я тебе книжку прочитаю? Хочешь?

Он. Хочу! Я люблю, когда ты мне читаешь.

Мама (девушка1). Ну, тогда продолжим «Маленького принца». Так, где мы остановились?

Мама (девушка1) открыла книгу.

Он. Когда Маленький принц спросил: зачем цветку нужны шипы, а лётчик ответил, что занят серьезным делом. И Маленький принц рассердился.

Мама (девушка1) начала читать.

Мама (девушка1). «Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

– Я знаю одну планету, там живет такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьезный! Я человек серьезный!» – совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

– Что?

– Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

– Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело – понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек в одно прекрасное утро вдруг возьмет и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это все, по-твоему, не важно?

Он сильно покраснел. Потом снова заговорил:

– Если любишь цветок – единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь

себе: «Где-то там живет мой цветок...» Но, если барашек его съест, это все равно, как если бы все звезды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. На звезде, на планете – на моей планете, по имени Земля – плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Нарисую для твоего цветка броню... Я...» Я плохо понимал, что говорил. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим.

Я не знал, как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез.»

Он плакал. Мама (девушка 1) закрыла книгу и обняла сына.

Мама (девушка1). Всё хорошо, мой родной! Всё будет хорошо!

Он. Спасибо, мама!

Мама (девушка 1) вытерла у него слезы и ушла. Он остался один.

Он. Тот май в четвертом классе я не забуду никогда. Они продолжали надо мной издеваться!

Он быстро побежал. Ребята ринулись за ним. Поймали его, схватили за шиворот.

Парень 3. Сначала мы затолкали его в туалет к девчонкам и долго не выпускали его оттуда.

Наклонили голову его к полу.

Парень 4. А потом позвали к дереву и велели понюхать цветок. Но это был не цветок, а собачьи какашки.

Пацаны ржут. Он вырвался.

Он. Каждый день я ходил в школу, уже готовый к тому, что снова случится что-то плохое.

Девушка 2. И каждый день мы придумывали для него что-нибудь новенькое

Парень 1. Ставили подножки.

Девушка 4. Прятали тетради.

Парень 4. Скидывали учебники со стола.

Девушка 5. А я подложила ему в сумку кактус. Вот ржачка была!

Все смеются. Класс медленно идет к авансцене.

Парень 3. Я прекрасно помню эти ощущения невероятного азарта. Тебя будто тащит необъяснимой, дикой, воинственной энергией, волна адреналина. О чувствах жертвы в этот момент не думаешь совсем. Наоборот, ты чувствуешь свою абсолютную правоту и восстановление справедливости.

Девушка 2. Я порву чей-то пакет, а потом наезжаю на него и говорю, что он это сделал.

Девушка 4. А еще я прятала его вещи в раздевалке.

Он пьтится от них.

Он. А мне потом снилось, что я стою посреди школы без штанов. Ужасное ощущение!

Резкая смена мизансцены.

Он. В классе седьмом я съехал по многим предметам. К тому же начал постоянно болеть.

Мама (девушка1). Мы на этот момент уже имели больного ребенка, который не вылезал из туалета с поносами. Из-за проблем с желудком у него произошло вымывание микроэлементов. По этой причине, как позже объяснил врач, он сломал руку.

Из толпы вышла врач (девушка 3) и стала перебинтовывать ему руку.

Он. Глупо так получилось! На ровном месте. Нога подвернулась, и я упал. Вот!

Врач (девушка 3). Ничего страшного, не расстраивайся! До свадьбы заживет!

Отец (парень 3) вышел с ноутбуком. За ним – мама (девушка 1).

Отец (парень 3). Мы с мамой подумали и решили, что пока ты дома, чтобы тебе не было скучно и одиноко, купить тебе ноутбук. Вот, развлекайся и поправляйся!

Мама (девушка1). И, самое главное, не вешай нос!

Отец (парень 3). А у меня сразу предложение: давайте на выходные махнем на природу, пожарим шашлычки, и я тебя, наконец, научу стрелять по банкам.

Он. Мне нравится. Но только, как я буду стрелять?

Мама (девушка1), обращаясь к мужу, протяжно, с иронией. Иван Иванович!

Отец (парень 3) легонько бьет себя по голове.

Отец (парень 3). Чёт я не сообразил!

Все смеются. Врач уходит. Смена мизансцены. Отец (парень 3) выносит мангал. Мама (девушка 1) – шампуры в чехле.

Он. Эо были самые лучшие выходные в моей жизни! И знаете, почему? Да потому, что мы были вместе. Никто никуда не торопился, никто никуда не убегал. Мы были вместе и это было счастье!

Отец (парень 3). Я быстро собрал мангал.

Он. А я вместе с братом сухие ветки для розжига.

Мама (девушка1). Ну, а я стала нанизывать мясо на шампуры. Погода стояла замечательная. Всё улыбалось от солнца!

Отец (парень 3). Расскажу одну притчу. Как-то раз осел свалился в колодец. Хозяин осла сначала огорчился, но потом подумал, что осел уже старый и больше не нужен в хозяйстве, а колодец давно пересох, и пригласил своих соседей помочь ему решить два дела сразу: засыпать колодец и заодно закопать осла. И все взялись за лопаты. Осел сразу же понял, к чему идет дело, и начал громко кричать. А потом вдруг замолчал. Хозяин осла решил посмотреть, что там внизу и был изумлен – каждый раз, когда падала земля в колодец, животное встряхивалось и становилось поверх насыпанной земли. Очень скоро все увидели, как осел поднялся наверх, перепрыгнул через край колодца и умчался, как угорелый! Как ты думаешь, про что эта притча?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.